

Анастасия Логинова

Сердце Ворона

16+

Детективъ минувших лет

Анастасия Логинова

Сердце ворона

«Автор»

2019

Логинова А.

Сердце ворона / А. Логинова — «Автор», 2019 — (Детективъ минувших лет)

Он не такой как все. Он закрывает глаза и видит события, которым не был свидетелем. Он читает прошлое людей, как открытую книгу. Он помнит то, чего не может знать. Дар? Волшебство? Если это волшебство, то чье-то очень злое волшебство. Есть лишь одна причина, по которой он все еще мирится с ним – его дар приносит пользу людям. Он сыщик Российской Империи и распутывает самые безнадежные дела. Но есть и отрада для него – девушка, чей образ является в видениях особенно часто. Он знает о ней все. Не знает только, существует ли она на самом деле.

© Логинова А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Жертва	9
Глава 2. Американец	14
Глава 3. Новая подруга	22
Глава 4. Старый друг	28
Глава 5. Знакомая незнакомка	35
Глава 6. Разговоры за ужином	40
Глава 7. Безлика	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анастасия Логинова

Сердце ворона

Пролог

Каменный Ворон вострепнулся. Облаком взмыла вверх черная с серебряной искрой пыль, что прежде крепким панцирем укрывала иссиня-черные перья, голову и мощные когтистые лапы. Ворон медленно, не торопясь переступил с одной ноги на другую. Наклонил в бок маленькую голову, ничем уже не отличаясь от живой птицы.

Тысячу раз Лара слышала эту историю от няньки-Акулины, и ведь верила – всем сердцем верила каждому ее слову! Но все равно не чаяла глядеть на то собственными глазами.

– Ты видишь это? Видишь, Конни? – не выдержав, зашептала девочка и судорожно вцепилась пальцами в холодную ладошку друга.

– Чшш! – прозвучало строгим ответом.

И то правда... Лара запоздало выругала себя: Ворон их заметил. Быстро повернул голову, и его правый глаз поймал лунный свет. Замер, уставившись точно на детей.

Ей-богу, он изучал их в этот самый миг и о чем-то думал – Лара могла бы поклясться в этом собственной жизнью!

Но мальчик крепче сжал ее ладонь, и Лара подумала, что, не будь его рядом, она бы тотчас умерла от страха. Впрочем, если бы не Конни, то Лары и вовсе не было бы на Ордынцевском кладбище в такой час...

А потом Ворон взмахнул крыльями и плавно сорвался с насиженного места. Он двигался бесшумно и зловещим карканьем не собирался нарушать тишину. Словно до сих пор был неживым.

Полетел, конечно, к Замку. Замком на побережье называли Ордынцевскую усадьбу – за зубчатые стены и высокую круглую башню, сплошь увитую плющом. В той башне жил и скончался старый граф – последний из рода Ордынцевых. А еще колдун, как рассказывала о нем нянька-Акулина.

Акулина тоже старая. Прежде служила экономкой в усадьбе и видела графа еще живым – высоким, чернобровым красавцем с таким взглядом, что... в этом месте рассказа нянька всегда залихватски говорила: «Ух!». Улыбалась, и ее морщинистые, иссушенные морским ветром щеки покрывались легким румянцем.

«Это ж сколько было бы нынче старому графу лет?..» – задумалась вдруг Лара и, тихонько шевеля губами, принялась подсчитывать.

Да не досчитала: Конни с решительностью, перед которой девочка благоговела всей душой, скомандовал:

– Идем.

Бесшумно он спрыгнул с ветки могучего дуба, где дети устроили выжидательный пункт. Чуть пригнув голову и не разгибая колен, побежал напрямик к склепу – старинной графской усыпальнице, на верхушке которой прежде и восседал каменный Ворон, сделавшийся нынче живым.

Лара тоже прыгнула, почти не колеблясь. Раньше надо было раздумывать, когда Кон объявил ей, что поспорил с мальчишками с Болота, будто влезет в графскую усыпальницу. А теперь-то толку?

Правда, девочка запуталась в юбках и пребольно ударилась коленкой о выступающий корень дуба. Но не ойкнула даже – сцепив зубы, прихрамывая, засеменила следом.

– Учти, вздумаешь реветь – живо домой отправлю. К мамочкиной юбке! – строго-настрого предупредил Кон перед их вылазкой.

Девочке тогда стало страсть как обидно. Она и сама знала про себя, что плакса – но зачем лишний раз попрекать? И если уж приспичит, то, скорее, она побежала б к няньке-Акулине, чем к маме-Юле. Матушка-то ей реветь тоже запрещает, еще построже Кона.

Потому и решила девочка, что, как бы ни было страшно там, в склепе, как бы ни тряслись ее коленки, и чего б она ни увидела – не вскрикнет. И уж точно не расплачется. Ей-богу, лучше умрет на месте!

...Дверь старинной усыпальницы поддавалась на удивление легко: всего трижды Кон ударил по навесному замку булыжником. Пахнуло могильным духом и сырой землей. Кон и тот замешкался. Но упрямо свел брови и опять скомандовал:

– Идем.

Внутри, не размыкая рук, помогая друг другу, дети долго спускались по шербатовой каменной лестнице. Пока не осознали – пришли. Внизу было темно, хоть глаз выколи. В проем распахнутой двери усыпальницы немного проникал бледный свет луны, но он освещал только лестницу, а стоило сойти с нее, как детские фигуры погрузились во тьму.

– Эх, лампу бы сюда!..

– У меня спички есть, Конни! – Лара нащупала в кармане юбки коробок.

– Толку здесь от спичек... – проворчал тот. – Ладно, давай, управлюсь как-нибудь. А ты постой на лестнице, не мельтеши.

Лара восхитилась догадливостью друга, когда тот поджег сразу три спички, соорудив маленький факел – и тогда свет всполохами озарил часть каменной кладки стены, на которой даже можно было разглядеть паутину и то, ради чего дети явились сюда. Громоздкие каменные надгробия, числом не менее десяти.

– Как же мы найдем нужный, Конни?..

– Здесь таблички с датами. Старик ровно восемь лет назад помер, в тысяча восемьсот девяносто первом. Не бойсь, я сам искать буду – а ты на лестнице постой, сказано ж тебе!

Разумеется, мальчишки с Болота потребовали добыть доказательство, что Конни и впрямь побывал в усыпальнице. А точнее – он должен был сдвинуть крышку с гроба старого колдуна, а после сказать им, какого цвета сюртук на мертвеце. Федька, заводила и самый старший из них, хвастался, что бывал на похоронах колдуна да видел, в какого цвета сюртук его обрядили. Соврать не удастся. А значит Лара, как верный друг, обязана Кона поддержать...

Вот и сейчас, оставленная в безопасном месте подальше от гробниц, Лара взмолилась:

– Конни, но я помочь хочу, отчего ты мне запрещаешь?

– Трусишка, – по-своему растолковал ее порыв Конни. Но возражать более не стал.

Да и не слишком он грешил против истины: Ларе и впрямь страшно было стоять в одиночку. Со второй попытки она тоже подожгла три спички разом и, затаив дыхание, стараясь меньше думать о том, что делает и где находится, глазами отыскала строчки на ближайшем к ней надгробии.

И сперва отказалась себе верить.

«Николай Григорьевич Ордынцевъ. Родился въ 1860 г., скончался въ 1891 г.»

Неужто вот так? Сразу?

– Конни, я нашла, нашла... – горячо зашептала девочка.

Лара потянулась туда, где мгновение назад еще стоял ее друг, но – пальцы рассекли лишь холодную тьму подземелья. Рядом никого не было.

Сколько это продлилось – мгновение? Больше? Ларе показалось, что она вечность стоит одна возле гробницы.

А потом чей-то шумный выдох затушил ее спички.

У Лары дробно застучали зубы. Собственным обещанием не кричать она уж готова была поступиться – да только голос будто пропал. Девочка не могла вымолвить ни звука.

И слава богу. Поскольку ее глаза, начавшие привыкать к темноте, вдруг ясно угадали очертания лица Кона совсем рядом с нею. Он приложил палец к губам и прошипел:

– Чшш!

А потом указал кивком на лунную дорожку, бледно освещающую лестницу.

Бледно – но этого хватило, чтобы сперва углядеть две человеческие тени, а потом, подняв глаза на дверной проем, увидеть и парочку незнакомцев.

– ...не брешь, ничего там не светится! – четко произнес один из них, заглядывая внутрь усыпальницы с лампой в руках. – А дверь, видать, сроду не запирают.

– Ежель не запирается, то и брать там нечего! – заметно волнуясь, ответил второй.

– А ты почему знаешь? – хмыкнул первый. И, подняв руку с лампой над головой, начал спускаться в усыпальницу. – Местное дурачье, что с них взять...

И второй, помедлив, все же присоединился к нему. Спускались они медленно, но неотвратно, с каждой ступенькой приближаясь детям. Они уже были внизу и по-свойски оглядывались в темноте, когда девочка осознала, что Кон грубо дергает ее за локоть, приказывая нагнуться. Бежать куда-то не было смысла: дети присели на корточки здесь же, возле гроба колдуна – притаились в его тени и замерли.

«Увидят... как пить дать увидят...» – не сомневалась Лара.

Незнакомцы шумно и без трепета, не теряя времени на чтение надписей, сдвигали громоздкие крышки со всех подряд гробниц. Те падали, иногда раскалываясь. Искали ценности. Усыпальница графская, богатая – разумеется, здесь было чем поживиться, это даже Лара понимала. Дети мало что видели из своего укрытия, но слышали каждое слово. Слышали, как радовались вероломные незнакомцы, находя фамильные кольца или нитку жемчуга. Слышали, как скабрёзно комментировали, снимая их с тел мертвецов...

И, рыская, кажется, в той самой гробнице последнего из графов, они нашли что-то невероятно ценное – ежели судить по радостным возгласам. Сундук, набитый золотом, не иначе – Ларе не было видно, но она воображала именно сундук...

– Гляди, что за чудная вещица! – Слышала она голос над самой головой. – Медальон, никак!

– А ну дай сюда...

– Я первый увидал, верни!

Воры загалдели: вот-вот начнется драка...

А Лара, сидя на каменном полу и обхватив собственные коленки, вдруг почувствовала дуновение легкого ветерка. Не сырого, могильного – а самого что ни на есть свежего. Будто с моря. Что-то изменилось, без сомнений. Набравшись храбрости, Лара ухватила пальцами за холодный камень гробницы и чуть-чуть выглянула из-за укрытия.

И тогда девочка увидела Ворона. Того самого, бывшего некогда каменным. Важно вскинув голову, он стоял на верхней ступеньке освещенной луною лестницы и сердито глядел на воров. Те, на беду свою, его не замечали.

Ворон снова вспорхнул бесшумно, будто бабочка. И, иссиня-черный, тотчас потерялся во тьме подземелья. Ненадолго. Чтобы через миг рассыпаться серебряной пылью, собраться в угрожающую тучу аккуратно над головами воров и – обрушиться на них, будто тяжелая морская волна.

Горе тому, кого застанет Ворон за недобрым делом...

Лара тысячу раз слышала легенду о Вороне, охраняющем свои владения, но нынче видела все воочию.

Одного швырнуло на стену с каменной кладкой – точно возле перепуганных детей. Умер ли он сразу? Лара видела кровь, струйкой вытекающую из уха и безжизненные глаза, которым уж ни до чего не было дела.

А что случилось со вторым? Этого Лара не знала. Мир ее – звуки, запахи, все устремления – сузились вдруг до круглого золоченого медальона с диковинным узором по ободу. Тот самый медальон, что покоился в расслабленной руке убитого вора.

Не помня себя, не зная, зачем ей это, девочка потянулась к украшению, мучимая одним желанием – завладеть им и никогда не выпускать из рук. Лишь на миг она подняла глаза на лицо мертвеца и успела заметить – мальчишка. Едва ли много старше их с Коном.

А после все-таки схватила украшение. Прижала к груди, как величайшую ценность.

– Пойдем же, пойдем! – тянул ее за локоть Кон.

Он уже не шептал, кричал – по-видимому, путь был свободен. Лара не сопротивлялась ему, но будто обессилела. Ноги не слушались, а глаза не видели ничего, кроме добытого украшения.

Только на лестнице девочка опомнилась. Снова почувствовала страх, снова ее колени начали подгибаться.

– Вдруг он жив, надо вернуться... – оглянулась она на темное подземелье.

Тела мальчишки, скрытого графской гробницей, она теперь не видела – зато на крышке той самой гробницы сидел Ворон. Черные глаза отражали лунный свет, и он отвечал девочке прямым серьезным взглядом. Осмысленным взглядом.

«Ведь он именно что медальон не пожелал им отдавать... – осознала она, – только медальон. До прочего ему не было дела. А мне отдал...».

Еще минута – и дети выбрались наружу. Но Лара так и не поняла в тот день, отчего Ворон позволил ей унести медальон. Почему не наказал за кражу, как того вора?

Она поняла это только много лет спустя, став уже взрослой девушкой. Когда, резко очнувшись ото сна, все еще слышала голос, бывший ничем иным, как голосом последнего графа Ордынцева:

– Не отдавай. Не отдавай. Не отдавай...

Она часто за эти годы слышала сей голос. Во сне. Не всегда он говорил о медальоне, но сегодня именно о нем, Лара это знала.

Потому-то, резко откинув одеяло и, не обув даже туфель, она первым делом бросилась к зеркалу, в ящике возле которого хранились немногочисленные ее украшения. Там, завернутым в шелковый платок, она уже десять лет хранила тот самый медальон.

Лара осторожно погладила подушечкой пальца замысловатый узор, что шел по окружности. Завороженная тем узором, она не всегда могла разглядеть рисунок, выбитый на крышке – он становился виден лишь под определенным углом. Это была расправившая крылья вольная ласточка, что устремилась ввысь на золотом круге медальона.

А ежели повернуть украшение еще чуть-чуть, то ласточка волшебным образом обращалась в ворона, чинно сложившего крылья.

В детстве Лара могла часами играть, и так, и эдак, поворачивая медальон к свету и сама для себя решая – какой из рисунков ей нравится больше. Она и сейчас едва верила, что владеет этой красотой всецело: столько лет прошло, а желание обладать им ничуть не стало меньше.

Разумеется, она никому не собиралась отдавать медальон. Он ее, только ее! Ведь не случайно же она носит эту фамилию – Ласточкина.

Ей было суждено его найти, не иначе.

Глава 1. Жертва

Этот был уже шестым.

Рахманов, незаметно отстав от группы полицейских, вдруг и вовсе остановился. Прикрыл глаза и растопырил ладонь, чуть касаясь пальцами выросшей по пояс южной травы. Глубоко втянул носом еще прохладный поутру воздух. Медленно выдохнул. Видения, сменяя друг друга, как картинки в калейдоскопе, помчались, не давая, как всегда, толком ни на чем сосредоточиться.

Но главное Рахманов уяснил: этот действительно был шестым, но лишь с начала года. Были и другие жертвы – прежде.

Он скорее нагнал своих, опередил их и первым подошел к границе круга, очерченного золой. Круг не малый, шагов десять поперек будет. Рахманов без сомнений сей круг видел прежде; видел и пять костров внутри него, равноудаленных друг от друга. Видел не на карточках, потому как в сыском отделении полиции Тихоморска до сих пор не имелось ни фотографического аппарата, ни человека, умеющего с ним справиться. Сысному отделению всего-то было без малого год.

Рахманов даже выставил руку, вполне серьезно опасаясь, что местные сыщики по незнанию могут затопать следы.

А затопать здесь было что: по ободу круга отлично читалась вязь из замысловатых символов. Это был до того знакомый и часто мелькающий в воспоминаниях рисунок, что вид его тотчас отозвался вспышкой головной боли. Так бывало, Рахманов давно привык, не придавая значения. Опустился на колено, набрав полную пригоршню золы. Мигрень тотчас усилилась, но вместе с нею поплыли видения одно за другим – теперь уж медленные, тягучие, в которые Рахманов падал, словно в яму. И вот он уже ясно, своими глазами видел, что произошло здесь ночью... нет, прошлой ночью.

Видел с высоты птичьего полета круг, очерченный золой, вязь по ободу и пять еще горящих тогда костров, а в центре на траве – мужчина в белой сорочке, распахнутой на груди. Молод, с черной щегольской бородкой, модно остриженный. Одет богато, даже со столичным шиком – хотя костюм и выглядел нынче не лучшим образом. Не из-за убийцы, нет. Мужчина кутил всю ночь в кабаке с ворами и прохвостами – а пил он из-за женщины, что часто и с удовольствием давала поводы себя ревновать.

Как его привели сюда, покамест оставалось скрытым.

Но он видел лицо – еще живое, хоть и искаженное ужасом. И глаза, что не замечали ничего, кроме занесенного кинжала. Диковинное оружие, не простое. И рука, что сжимает его, тверда и уверенна...

– Ваше благородие, дозволите к осмотрам приступить?

– Что?..

Рахманов очнулся. Окинул рассеянным взглядом того, кто его потревожил. Это был Горихвостов Прохор Павлович, начальник местного сыского отделения.

– К осмотрам, говорю, дозволите приступить? – повторил тот. – Али красотами нашими залюбовались?

«Молод очень для начальника, оттого, видать, и дерзок», – вскользь подумал о нем Рахманов и тут же забыл. Снова попытался сосредоточиться на руке, заносившей кинжал. Без толку на сей раз.

– У вас, ваше благородие, кровь носом пошла, – не дождавшись ответа, снова заговорил Горихвостов. – Непривычны, видать, к нашему пеклу.

Говорил он свысока, скрывая насмешку лишь из вежливости и не очень-то в том преуспевая. К свалившемуся как снег на голову сыщику из Петербурга Горихвостов, конечно, относился с раздражением.

– А... благодарю, – Рахманов, чувствуя неловкость, принялся наскоро утирать кровь, запрокинул голову. Это тоже не было редкостью, потому в кармане всегда имелся свежий платок.

Знакомый рисунок, очень знакомый... однако при попытке сосредоточиться на нем еще раз, вспышка головной боли оказалась столь сильной, что Рахманов не сдержался. Шумно, через зубы втянул воздух. Разумнее побереечь силы для осмотра самого тела. А пока что, уняв кровь, он вынул блокнот с карандашом и быстрыми уверенными линиями принялся зарисовывать вязь с обода круга. Вслух же распорядился:

– К опросам очевидцев можете приступать, а место происшествия пускай не топчут покамест.

– Опросили уж. Вон те трое, – Горихвостов кивком указал на группу зевак в стороне, – поутру, в половине пятого, как на сенокос явились, увидали. Да не признали, кто таков. Не местный тип: загару нет, ежели на кожу со внутренней стороны рук поглядеть. И это первое отличие от прочих пяти случаев.

Рахманов отвлекся от рисунка и снова поглядел на Горихвостова – теперь более внимательно. Не сами добытые сведения его заинтересовали, а то, что начальник сыскного отделения обнаружил некоторую компетентность.

– Есть и второе отличие? – спросил он, буровя начальника сыскного отделения изучающим взглядом – пытаюсь проникнуть в самую душу и понять, что он есть за человек.

Обычно это получалось – вышло и на сей раз.

Рахманов увидел ночное небо и маленький Тихоморск под ним, домишко, принадлежащий Горихвостому и его самого. Жены нет, детей тоже. Именно Горихвостов первым, еще в марте, обнаружил, что три убийства, свершенные близ Тихоморска, чрезвычайно схожи меж собой и имеют явно оккультный толк. Большой резонанс в итоге дело получило, аж до Петербурга дошло. Тогда-то Рахманову и велели ехать сюда, на юг – мол, как раз его профиль.

– Есть, – ровно ответил Горихвостов на его вопрос, – прочие пятеро из окрестной гольтыбы, а этот из господ. Вы на одежду посмотрите.

Рахманов спорить не стал, поглядел на распростертое тело мужчины. Приблизился.

Убитый был тот самый, из видения. Лежал в центре круга на бурой от высохшей крови траве с развороченною грудной клеткой. Не мудрено, что столько крови: не только кожа и мышцы были вспороты, но и ребра торчали обломками наружу, обнажая искромсанные внутренности.

Он умер от адской, невыносимой боли, пока ему, еще не испутившему дух, вырезали сердце.

Рахманов понял это, даже не касаясь трупа: тьма, густая, непроглядная, кричала об этом столь громко, что на миг почудилось, будто ее слышат все, кто стоял внутри круга с примятой травой. Находиться здесь было физически невыносимо: Рахманов за годы в полиции повидал множество мест, где свершались злодеяния – но это выделялось даже среди них.

Недаром ни птицы, ни звери за истекшие сутки не тронули трупа, воронья и близко не наблюдалось. Хотя ощипанных вороньих перьев хватало с лихвой...

По-видимому, и прочим полицейским чинам было здесь неловко. Даже бойкий Горихвостов заметил вполголоса:

– Чертовщина, ей-богу... Ручаюсь, что и сердце ему вложили воронье. Как тем пятерым, – он перекрестился.

– Пускай сердце ищут, – распорядился Рахманов. – Не воронье – его. Быть может, в кострах, или закопано где поблизости.

Он знал, что в грудь трупа убийца и впрямь вложил воронье сердце. Однако куда он при этом дел человечье – не видел.

Рахманов обошел распростертое тело и встал туда, где некогда был убийца. Рядом толпились полицейские, так что глаза Рахманов не прикрывал – здесь, внутри круга, все чувствовалось куда острее.

На сей раз он разглядел, что той ночью была полная луна – пять костров горели едва ли ярче нее. Видел спину нагой женщины, верхом сидевшей на распростертом на траве мужчине. Ее волосы цвета пшеницы казались огненными в красных отсветах костров, они плащом укрывали плечи и чуть взлетали вверх каждый раз, когда ее ягодицы опускались на бедра мужчины.

Рахманов не видел ее лица.

Однако не упустил момент, когда хрупкая, по-девичьи нежная рука нашарила в траве то, что поймало сияние луны и ярко блеснуло стальным цветом. Диковинный нож с трехгранным лезвием и рукояткой, увенчанной звериной головой.

Мужчина был еще жив. Видел ли он, как женщина, ускоряя свои волнующие движения вверх и вниз, медленно заносит руку с лезвием над своей головой? Если и видел, то сделать ничего не мог...

К правой ее руке присоединилась левая, и обе ладони сжимали рукоять так судорожно и сильно, что белели костяшки пальцев. Размеренные вздохи женщины стали наполняться голосом, узкая спина прогибалась в пояснице, а лицо уже в истоме было обращено к ночному небу.

– Приди... – услышал он ее голос. Сперва похожий на судорожный шепот, который все нарастал и нарастал, пока Рахманов не осознал, что она уже кричит в ночное небо, требует и ни за что не потерпит отказа: – Приди! Приди!

Рахманов по-прежнему не видел ее лица, но знал как будто – кого она зовет, кого ищет.

– Приди... – последний звук ее голоса был похож на мольбу.

А потом занесенные над головой руки налились новой силой, и кинжал с яростью вошел в плоть мужчины...

* * *

– Одно можно сказать наверняка – сие свершил мужик недюжинной силы. Так ребра искромсать. Кузнец, быть может...

Рахманов не сразу сообразил, что видение ушло, что светит теперь солнце, а не луна, и что рядом бубнит никто иной как Горихвостов. Притом сыщик вещал не в пустоту, он говорил что-то именно Рахманову и, кажется, уж притомился ждать ответа.

Конечно, Горихвостов ошибался, не было здесь никакого кузнеца. Однако переубеждать его сейчас не было сил.

– Убитый – сын промышленника Стаховского, – только и счел нужным сказать Рахманов. – Младший, кажется, сын. Железорудные заводы на Урале, слышали?

– Слышал, но... Отчего вы так уверены? Вы знали его лично?

– Нет, не знал. Видел фотокарточку в газетах. Стаховский полторы недели назад приехал – на премьеру своей любовницы. Она актриса.

Горихвостов в свою очередь буравил Рахманова взглядом, будто тоже мог проникнуть в его душу. Едва ли он поверил ему, но не было времени выдумывать что-то разумнее фото в газете.

– Вы толковый сыщик, Прохор Павлович, – неловко похвалил он, – первым обратили внимание на одежду – оттого я и вспомнил про Стаховского. А теперь простите, мне надобно ехать в город и отыскать эту актрису... пока не знаю ее фамилии, но их трупна остановилась в гостинице на Раевской, кажется, улице... В Тихоморске есть Раевская улица?

Рахманов все-таки смешался под тяжелым взглядом: Горихвостов смотрел на него недоуменно, как на бредившего, словно вопроса и не слышал.

– Вы заканчивайте здесь, – распорядился он под конец, – отыщите сердце и выясните, где именно пребывал Стаховский перед смертью.

Откланялся неловко и поспешил к своей коляске.

* * *

Свою особенность Рахманов не считал ни даром, ни волшебством. Все было до обыденного просто: он видел то, что не видели другие. Видел людей, с которыми никогда не был знаком и знал подробности их жизни – знал все то, что они сами о себе уже забыли. Знания эти копились и копились в его голове, отчего-то никогда не забываясь, мучая его, изводя мигренью и не давая покоя.

Если это и волшебство, то чье-то очень злое волшебство. Единственная причина, по которой Рахманов мирился с ним, до сих пор не сойдя с ума – оно приносило пользу людям, ежели его использовать верно. А Рахманов, к счастью, научился это делать.

Он служил в полиции восемь лет из своих двадцати шести и обычно, еще на подъезде к месту преступления знал, кто его совершил.

Не должно было быть сбоя и в этот раз. Та женщина – молодая, светловолосая и, вероятно, очень привлекательная – она ведь просто сумасшедшая, оттого и убивает своих любовников...

По крайней мере, в этом Рахманов убеждал себя, но странное ощущение, что в этот раз все не так, все наперекосяк – не давало ему покоя. Однако покамест он решил отринуть то, что сыщики называют интуицией и действовать по обычной схеме.

Чувств и мыслей людей Рахманов, как ни старался, знать не мог – он лишь видел свершенные действия. А все что делал Стаховский, говорило о том, что он отлично знал ту женщину, которая его убила; она несколько лет была его любовницей и, быть может, даже более того... Потому Рахманов и мчался сейчас, поторапливая кучера, назад, в Тихоморск, на Раевскую улицу. И знал заранее, что опоздает.

Увы, не ошибся.

– Madame двое суток как съехали. Но комнату за собой оставили, потому не заселяли никого...

– Как же так съехали? Разве премьера состоялась уже?

– Никак нет, ваше благородие – не состоялась. Не могу знать, отчего так поспешно собрались...

Рахманов въедливо изучил гостиничного слугу, но тот и правда ничего не знал. Был напуган внезапным визитом полиции, но исключительно из-за своих каких-то грешков, к сбежавшей актрисе Щукиной не относящихся.

Ираида Митрофановна Щукина – так звали актрису и любовницу Стаховского – отбыла с личной горничной и наспех собранным багажом позавчерашним утром, в восемь сорок пять.

За семнадцать часов до того, как ритуальным ножом посреди поля будет убит ее любовник.

Кажется, самое время счесть госпожу Щукину первой подозреваемой... Но Рахманов не торопился. Медленно, не обращая внимания на слугу, он прохаживался вдоль стен плохонького гостиничного номера (впрочем, этот был лучший в городе), и пытался понять, что чувствовал актриса перед отъездом?

Однако ответ был скрыт.

– Куда она уехала? Неужто и адреса главе труппы не оставила?

– Никак нет, ваше благородие... ежели оставила бы, то я непременно...

Но Рахманов велел замолчать ему легким движением руки. Не то чтобы он узнал вдруг о месте нынешнего пребывания актрисы, но, коснувшись невзначай письменного стола, понял, что двое суток назад на этом самом месте лежал номер местной ежедневной газеты – с некой

рекламной заметкой, обведенной карандашом. Настолько эта заметка заинтересовала хозяйку комнаты, что сперва она даже думала взять газету с собою, но...

Рахманов очнулся. Огляделся по сторонам и тотчас приметил корзину для мусора, которую, не долго думая, здесь же опрокинул на бок. Смятый номер газеты был именно здесь.

Нашлась и заметка.

– «Пансионат «Ласточка»... – прочел он вслух.

Название отозвалось очередной вспышкой мигрени, и Рахманов, прикрыв веки, с полминуты переживал боль, никого и ничего не слыша.

Одно лишь упоминание это – «Ласточка» – вызывало в нем бурю чувств и тысячу самых разных видений. Столь ярких, что голова гудела не переставая. А что будет, когда он окажется в этом месте?

Глава 2. Американец

Всякий раз, как приходилось топить самовар, Лара дивилась, отчего вскипевшая вода имеет запах дерева, коим его заправляли. Положишь черешневые ветки – чай станет сладко-кислым и пахнуть будет молодым вином; положишь орешник – и вязкий маслянистый вкус сохранится, сколько бы ни клали туда лимона после. Но Лара более всего любила добавлять к углям свежий сосновый щеп, тогда над самоваром поднимался густой и теплый хвойный дух – вовек им, кажется, не надышишься! Ларина воля, она одной сосной топила бы и печь, и камин, и самовар – да мама-Юля не велит. Мол, сухие черешневые ветки и так складывать некуда. Не выбрасывать же?

И то правда.

Готовили завтрак для постояльцев. В кухне Матрена уже обсыпала круассаны сахарной пудрой, а Лара на веранде учила новенькую горничную Стаську управляться с самоваром, когда туда с горящими новой сплетней глазами вбежала Галка.

– Ни в жисть не догадаетесь, Лара Николаевна, что нонешней ночью приключилось!

Галка была старшей из двух горничных в «Ласточке», девицей во всех смыслах примечательной. Волоокой красавицей с толстыми русыми косами, разложенными по плечам, и со столь выдающимися формами, что редкий их постоялец мог хотя бы приблизительно сказать, какого цвета у Галки глаза.

Сплетницей Галка была каких поискать. Каждый день у нее приключалось нечто вселенского масштаба, потому у Лары не имелось никакого желания гадать. Да и возможности такой Галка не дала, объявив без предисловий:

– Господа Ордынцевы приехали и к нам в пятый, шестой да девятый номер заселились!

Хорошо, что Лара уже поставила самовар, иначе непременно обварилась бы. Новость и впрямь была всем новостям новость.

– Как же?.. – изумилась она, – говорили ж, не осталось никого из графов Ордынцевых...

– Вот так, – развела руками Галка, – из графьев не осталось, зато родня какая-то дальняя объявилась. Да не просто так погостить приехали. В усадьбе-то Ордынцевской неспроста, видать, молотками стучали с утра до ночи. Жить там господа собираются!

Лара, обтирая руки полотенцем, невольно устремила взор на Ордынцевскую усадьбу, отлично видимую с веранды. Все мысли ее были – не о той ли «родне» предупреждал ее Ворон? Не медальон ли им на самом деле нужен, а не плохонький, прогнивший насквозь дом?

– А что за Ордынцевы-то? – в который уже раз спросила Стаська, но услышали девочку только сейчас.

Стаська это младшая из двух горничных – было ей всего тринадцать, и поступила в «Ласточку» она меньше недели назад. Характер имела несмелый и покладистый, чем без зазрения совести пользовалась коварная Галка, свалив на девочку всю черную работу да вдобавок и подшучивая при каждом удобном случае.

Никто толком не знал, откуда взялась девочка, но совершенно точно она была не из их краев – даже знаменитых Ордынцевых не знала. Галка на том и сыграла:

– Неужто и про старика Ордынцева, старого колдуна, не слышала никогда? – делано изумилась она.

– Галка, прекрати, ей-богу! – не выдержала, наконец, Лара. – Уши вянут слушать тебя! Какой же он старик, ежели ему всего-то тридцать один год был, когда помер?

Галка хмыкнула и подбоченилась, не собираясь сдаваться так скоро:

– Уж не знаю, Лара Николаевна, кого там похоронили, только люди зря болтать не станут. Колдун он, ваш Ордынецв распрекрасный, колдун и нежить! А по ночам еще в Ворона оборо-

чивается и летает по округе, и горе тому, кого застанет он за недобрым делом! Али, скажите, тоже неправда?

Лара смолчала в этот раз. До сих пор перед ее глазами стояло то, что она видела десять лет назад в компании Кона. Что каменный Ворон сперва обернулся живым, а после рассыпался искрами и убил мальчишку-вора. И заключена была в каменном Вороне душа Ордынцева – в этом Лара была уверена так же, как и в том, что луна сменяет солнце.

– Это всего лишь легенда, Стася, – вслух ответила она. – Но с покойным господином Ордынцевым да с его усадьбой и впрямь не все ладно. Мне Акулина сказывала, что после погромов в Крымскую войну много домов по всему побережью порушенных да пожженных тогда стояло – почитай каждый. Усадьбу, что на месте нашей «Ласточки» была, тоже погромили – тогда-то, лет через десять после войны, папенька Кона... Константина Алексеевича, выкупил землю да и выстроил здесь пансионат. Архитектора из самого Петербурга выписывал – знаешь, сколько денег сюда вложено? Прорва! Он из дворян был, Алексей Иванович наш, настоящий русский барин. Добрый и щедрый. Жаль, ты его не застала. Так вот, все дома в округе порушены, лишь одна Ордынцевская усадьба стоит целехонька. Волшебство да и только...

Три девицы вдруг разом обернулись, поскольку снаружи веранды раздалось негромкое покашливание: молодой русоголовый господин, коротко стриженный, синеглазый, в дорожном песочного цвета костюме явно пытался привлечь их внимание.

Лара даже отругала себя: в пылу спора она совсем позабыла о постояльцах, а ведь мама-Юля строго-настрого наказывала не болтать при них лишнего!

И еще сильнее ее сердце забилося, когда она осознала, что никогда не видела этого постояльца прежде. Значит, он прибыл ночью. Значит, он и есть Ордынцев.

Господин же тем временем несмело им улыбнулся:

– Прошу прощения, милые барышни, ежели напугал... Могу я попросить у вас чашечку кофе?

Скользнув взглядом по лицам всех трех девушек, он остановился, однако, на Ларином и улыбнулся еще раз, показывая, кому именно адресует просьбу. На крупном тяжелом подбородке у него заиграла ямка – на редкость обаятельное лицо, в ответ которому хотелось тоже немедленно улыбнуться. Впрочем, Галка не терпела, когда одинокие мужчины так невежливо игнорировали ее формы – тотчас она заявила, как отрезала:

– Нынче чай подаем. Насчет кофею с вечера распорядиться надо было...

– Я сделаю, – перебила ее Лара. Не из-за ямочки на подбородке, конечно, а лишь потому, что мама-Юля велела постояльцам во всем угождать. – А вы со Стаськой заканчивайте с завтраком скоро да без разговоров. – И уже господину в песочном костюме куда любезней, чем ее подруга, сказала: – Обождите здесь.

Но господин не послушался. Обошел веранду, дабы быть ближе к горелке, где прежде кипятили самовар, и где теперь на медленном огне Лара разогревала молотые кофейные зерна в турке. Туда же бросила две ложки сахара под молчаливым заинтересованным взглядом.

– Как ловко у вас выходит... – восхитился незнакомец. – Значит, вы и есть хозяйка пансионата?

Лара посмотрела на него коротко: он все еще улыбался, не сводя глаз с ее лица.

– Я дочь хозяйки, – поправила она. – Вы кофе со сливками изволите?

– Нет, благодарю. Ах, дочь! Мог бы и догадаться. Впрочем, вы так умело управляетесь с прислугой, что вскорости непременно станете здесь хозяйкой.

Лара снова бросила на него взгляд – неодобрительный. Лесть она не любила. Однако мучиться в неведении не любила еще больше, потому решила выяснить, кто он таков, немедленно.

Турка с добавленной в зерна водой покоилась на огне, и у Лары была пара минут, чтобы поглядеть на незнакомца открыто да приветливо ему улыбнуться. Что-что, а приветливо улыбаться вне зависимости от настроения Лара за годы в пансионате научилась.

– Лариса, – она первой протянула руку. – Ведь вы наш постоялец, не так ли?

Незнакомец охотно пожал ее ладонь, несколько задержав в своей. Что же касается имени, то он явно замешкался, прежде чем его назвать. Будто раздумывал.

– Джейкоб Харди. Я и впрямь ваш постоялец с нынешней ночи.

– Вы из Европы? – изумилась Лара, позабыв о кофе. Иноземцы не были у них частыми гостями. – Никогда бы не подумала... вы очень складно говорите по-русски.

– Из Америки, – поправил тот. – Но моя матушка была русской, и вот уж она порадовалась бы, узнав, что ее уроки не прошли даром. Она умерла.

– Мне жаль...

– Мне тоже. Это случилось четыре года назад, с тех пор я оставил Нью-Йорк, где прежде мы жили с отцом... Вы слышали о Нью-Йорке?

– Конечно! – тотчас подхватила Лара, опасаясь прослыть невежей.

Сей город ни раз упоминался в произведениях ее любимого Марка Твена, однако до сего дня Лара сомневалась, не является ли он сказочным, навроде Страны чудес. А уж вот так запросто болтать с настоящим живым нью-йоркцем...

– О, это невероятный город, – продолжал он тем временем, по-детски сложив локти на бортике веранды и устроив на них голову, – вам бы там понравилось, Лариса. Я и сам намереваюсь еще вернуться на родину... когда-нибудь. Мой отец занимается экспортом кофе из Бразилии в Америку, и, подозреваю, что как только я вернусь, отлынуть от семейного бизнеса мне уже не удастся. И все-таки я рад, что нынче попал сюда.

Под его взглядом Лара неожиданно для себя смутилась. Благо, пенная шапка над кофе как раз подступала к горлышку турки, а значит, можно было с чистой совестью отвлечься от разговора.

Она ловко перелила напиток в тонкую фарфоровую чашку и, подавая ее с блюдцем, салфеткой и Матрениным круассаном, снова поймала улыбчивый взгляд американца на своем лице. В этот раз не удержалась и улыбнулась в ответ.

– Ваш кофе – без сливок, но с сахаром. Так что же привело вас в наши края, господин Харди? Вы приехали по делам?

– О, нет, что вы – я здесь по воле случая. После смерти матушки всерьез решил заняться изучением русской словесности – собираю народный фольклор, легенды и сказки. Потому и... простите, я невольно подслушал ваш разговор с подругами – о каменном Вороне. По-моему прелестная сказка, мне бы как раз подошла. Расскажите мне ее, Лариса?

Лара смешалась окончательно. Потому даже обрадовалась, когда услышала из кухни тяжелые шаги мамы-Юли.

– Простите, господин Харди, я должна идти, – наспех распрощалась она и не посмела даже обернуться лишний раз – мама-Юля не выносила, ежели Лара беседовала с постояльцами без крайней на то нужды.

Тем более что матушка и впрямь разыскивала ее.

– Ну вот где ты опять носишься? По всем комнатам тебя разыскивать прикажешь? Снова с прислугою лясы точишь, работать не даешь?

– Что вы, матушка! Стаське помогала самовар ставить.

Мама-Юля уперла руки в бока:

– Это что ж – она так и не научилась с самоваром управляться?

– Научилась... – прикусила язык Лара. – Я лишь помогала, дите ж совсем...

Матушка на расправу была скоро – ей-богу выгонит Стаську, с нее станется. А девчонка сирота, некуда и пойти более.

– Дите... – передразнила мама-Юля, – иные в ее возрасте уж мужние жены, и все хозяйство на них. И ты такая ж неумеха растешь, одни развлечения на уме – ох, грехи мои тяжкие...

Лара стояла пред нею, повинно опустив голову. Все так, она и половины не умела из того, что ежедневно делала мама-Юля. Да и что уж там – гораздо охотнее проводила бы время в своем укромном уголке на берегу моря, чем помогала с хозяйством, так что маменька была права во всем.

Разговор сей был не нов казалось бы, однако он принял неожиданный поворот.

– Сядь, – вдруг велела мама-Юля. – А ты, Матрена, выйди на минуту – мне с дочерью поговорить надобно.

И когда кухарка, поворочав под нос, вышла, маменька повела разговор о новоприбывших господах Ордынцевых. Кажется, не только Лару взбудоражил их приезд.

– Небось в буфете завтракают, – решила она и заговорила вдруг с Ларой неожиданно ласково, даже коснулась ее волос и заправила за ухо выбившуюся кудряшку. – Ты пошла б, дочка, причесалась поаккуратней да и заглянула бы к господам. Вдруг нужно им чего? Поглядеть надо, что за люди они такие, и надолго ли к нам. Соседи будущие, как-никак.

– Вы меня шпионить отправляете? – прямо спросила Лара.

Мама-Юля нахмурилась, снова посуровела:

– Боже ж ты мой, где ты слов таких только понабралась, наказание мое! Сказано тебе – причешишься и ступай! Да полюбезней с ними будь. А после тотчас ко мне приходи. Ясно?

Хоть для Лары и осталось загадкой, отчего мама-Юля не идет к Ордынцевым сама, она проявила покорность как всегда.

* * *

Пансионат «Ласточка» расположение имел не самое удачное: до ближайшей железнодорожной станции, что в губернском Тихоморске, дорога неблизкая, ухабистая и тяжелая. Оттого-то путешественников редко заносило в эти края, ведь всегда можно найти гостиницу и рядом с городом, и поудобней.

Ежели знали бы туристы, что после трудной дороги их встретит добротная и вполне современная гостиница, где даже ватерклозеты были устроены – наверняка переменяли бы мнение. Добавить сюда прекрасный персиковый сад под самыми окнами, завораживающие виды на Черное море и удобный спуск на пляж. Не удивительно, что те, кто побывали здесь единожды, всенепременно хотели вернуться.

Из окон же пансионата можно было разглядеть и немногочисленные домишки станицы с непривлекательным названием «Болото». Лара понятия не имела, откуда взялось такое название: ни единого даже самого захудалого болотца в округе не имелось. С болотной ребятней Лара провела все свое детство, из Болота же была родом и Галка, и старая нянька-Акулина, и Федька – тот самый, что подбил когда-то Кона влезть в усыпальницу Ордынцевых...

Нынче та ребятня давно разъехалась, кроме разве что Федьки да Галки, что нынче служат в «Ласточке» – на Болоте жили все больше старики. Впрочем, была причина, по которой станица не считалась забытой богом: здесь, в виду отдаленности от Тихоморска, имелось собственное почтовое отделение с телеграфом, которыми постояльцы «Ласточки» и пользовались в свое удовольствие.

Словом, «Ласточка» насчитывала девять номеров, и редкое лето они все не были заняты постояльцами.

Впрочем, лето 1909 года и было тем самым – редким. Еще в марте маме-Юле написал некий популярный художник, отдыхавший здесь в прошлом году и пришедший в восторг от местных красот. Он упросил придержать все девять номеров для него и его многочисленного семейства, но что получил охотное согласие. Юлия Николаевна даже на рекламные заметки решила в этот год не тратить. Однако в апреле художник не приехал. Не приехал и в мае.

Только в июне от него пришло короткое письмецо, задержанное, оказывается на почте: художник сообщил, что нашел другое место для отдыха, а у них, мол, дороговато для такой глуши...

Оттого в разгар сезона «Ласточка» и пустовала. Лишь два дня назад приехала сюда совершенно внезапно и без письменного уведомления некая состоятельная дама, назвавшаяся madame Шукиной. Дама эта заняла роскошный седьмой номер для себя и восьмой, поскромнее, для своей компаньонки. Успела с тех пор madame сперва очаровать весь немногочисленный персонал своей щедростью, а потом его же и замучить бесконечными капризами и придирками.

Нынешней же ночью – снова внезапно – в пансионат явились господа Ордынцевы. Сняли три номера, самых лучших в пансионате, и платили за все не скупясь.

Оставалось, однако, загадкой, какие отношения давешний Ларин знакомец, господин Харди, имеет к тем Ордынцевым...

* * *

С прической Лара не мудрила: переплела потуже светло-русую косу, подколола шпильками пряди у висков, что постоянно норовили выбиться, и, не взглянув напоследок в зеркало, бросилась за дверь, пока мама-Юля снова не послала за нею.

Для ужинов и обедов в пансионате имелась столовая, занимавшая изрядную часть первого этажа и соседствующая с большой гостиной да музыкальным салоном. Украшала столовую огромная люстра богемского стекла, выписанная из Европы еще папенькой Кона, а витражные окна во всю стену высотой выходили на персиковый сад, среди которого тянулась мощеная камнем дорожка и уводила к пляжу.

Но столовая – для ужинов, а завтракали да перекусывали господа по обыкновению в буфете на втором этаже, расположенном точно над столовой. Стаська, обрядившись теперь в нежно-голубое форменное платье с крахмальным передником, как раз накрывала чайный столик, когда, сдерживая сбитое бегом дыхание, туда степенно вошла Лара.

Буфет в этот совсем уже не ранний час пустовал – лишь компаньонка madame Шукиной, скромно встав у стены, явно кого-то дожидалась. Видимо свою беспокойную хозяйку.

– Входите-входите, Лариса, – тотчас обрадовалась она Ларе и даже подалась навстречу. – Присоединитесь к нам? Я как раз завтракать собиралась – Ираиду Митрофановну только надобно дождаться. Госпожа поспать любят подольше, – она, стесняясь как будто, наклонила голову.

– Благодарю, madame, – в тон ей невольно расплылась в улыбке Лара, – я завтракала уж. Маменька послали спросить, не нужно ль вам чего?

– Что вы, что вы, Лариса, и так всего вдоволь. Ах, как я сегодня спала хорошо... у вас здесь рано светает: представьте только, милая, я проснулась в пятом часу ночи – а за окном солнце светит будто днем! Такая благодать!

Пели цикады за распахнутым ввиду жары окном, ароматный чай дымился на столике, остывали круассаны – отменные круассаны, надо сказать, Матрена других не печет.

Пока глядела на женщину, Лара все время улыбалась нежнейшей из своих улыбок.

Компаньонку беспокойной госпожи Шукиной звали Анною Григорьевной. Ларе она понравилась сразу и безоговорочно, во всем хотелось угодить столь приветливой даме. Лара даже спину выпрямила, лишь бы чуточку походить на нее. Была Анна Григорьевна уже немолода: светлые тщательно собранные в пучок волосы ее слегка проредила седина, но глаза горели как у юной девушки, стан был гибким, а талия такой тонкой, что вполне могла соперничать с Лариной. Платье она носила светло-серое, простое, а из украшений признавала только круглые золотые часики в виде кулона на цепочке. Наряд ее был до того простым, что у Лары в голове не укладывалось – как можно в нем выглядеть столь благородно и изящно?

И разговаривать с Анной Григорьевной было приятно, будто знакомы они тысячу лет. Лара, все так же улыбаясь, без умолку рассказывала, что после завтрака, покуда не слишком

жарко, им следует обязательно пойти на пляж – только зонтики непременно нужно захватить. А к полудню, когда солнце станет совсем уж немилосердным, надо бы воротиться в пансионат и провести несколько часов персиковом саду, его окружающем. В саду у них имела беседка, увитая плетистыми розами и так ловко устроенная, что даже в самые губительные часы в ней свежо и прохладно, а Стася... да что там Стася – она сама принесет им с госпожой Щукиной спелой черешни и абрикосов. А на обед...

Лара как раз собралась спросить, что предпочла бы Анна Григорьевна на обед, когда – в столовую вошел новый их постоялец.

Признаться, Лару вот уже десять лет как страшно манила к себе личность последнего хозяина Ордынцевской усадьбы. Каких только баек не травили про него на Болоте, и настоящей мукой было выудить из тех баек толику правды. Однако Лара в этом преуспела.

Она разыскала даже его портрет – старую газету с фотокарточкой, если точнее. Спасла ее от участи быть пущенной на растопку и с тех пор хранила у себя.

Граф Николай Ордынцев был весьма выдающейся внешности мужчина. В профиле его, гордом и благородном, будто срисованном со старинных монет, и впрямь было что-то от благородного Ворона. Такое лицо, увидав один раз, не забудешь никогда.

Еще и потому Лара не признала в господине Харди потомка Ордынцева – они были совершенно не похожи. Господин Харди, вне сомнений, хорош собою, его яркие синие глаза и ямочка на подбородке уж точно не оставляют девушек равнодушными. Но он более походил на парней с Болота, чем на потомка благородного Ворона.

Совершенно иное дело мужчина, только что вошедший в двери буфета.

Ему нынче было, наверное, не меньше пятидесяти; волосы серебряные от седины, узкие плечи и крайне невысокий рост. Однако этот точеный профиль именно их – Ордынцевский. Ошибиться невозможно.

Еще до того, как пожилой мужчина представился, Лара почтительно опустила перед ним в реверансе. Назвалась.

– Мое почтение, Лариса Николаевна, – поклонился Ордынцев в ответ, и после поклонился и Анне Григорьевне – с большим, нужно сказать, вниманием.

И обе они ахнули с восхищением, когда Ордынцев показал из-за спины букетик полевых цветов – маргариток и алых душистых маков, который разделил надвое и подарил обеим дамам.

Господин сей представился Александром Наумовичем, и он и впрямь намерен был надолго задержаться на побережье. Юность и молодость провел он во Франции, отдалившись от родственников, там и женился, родилась дочь – единственная, увы, потому как жена вскорости умерла.

Оказалось, что Ордынцев проснулся еще на рассвете, успел познакомиться с Анной Григорьевной и, подобно Ларе, был очарован благородной красотой этой женщины. А может даже и поболее Лары...

Девушка не знала уж, куда деть свои глаза – настолько лишней она себя здесь чувствовала. И, в то же время, была счастлива, что знакома теперь с этими людьми и даже может с ними разговаривать.

Отца своего Лара никогда не знала, но всем сердцем, каждой клеточкой существа, надеялась нынче, что он хоть чуточку похож на Ордынцева. Хоть самую малость... Впрочем, конечно же, мечты были наивными: ежели бы Ларин отец имел хоть что-то общее с Ордынцевым, разве ж он бросил бы ее?

У Лары, правда, был Алексей Иванович, но он – папенька Кона, и Лара сроду не думала о нем, как об отце. Да он бы и не позволил. Алексей Иванович хорошо к ней относился, дарил игрушки, красивые платья и нанимал учителей. А синьору Марроне, бедному художнику из Венеции, невесть как попавшему в их края, даже все лето позволил жить у них без платы, лишь

бы он ее, Лару, выучил обращаться с красками. Однако отцом он ей стать не пожелал даже когда женился на маме-Юле.

От мыслей Лару отвлекла вновь отворившаяся дверь – на сей раз без стука. Дверь пахнулась, и, наконец, миру явилась Даночка – единственная дочь Ордынцева и единственная же его наследница.

«Ах, и повезло же родиться такой красавицей!» – вздохнула Лара, едва ее увидела.

Даночка – по рождению Богдана Александровна – барышня несколькими годами старше Лары. Или же так чудилось оттого, что была она выше и имела куда более женственные формы. Наряженная в утреннее шифоновое платье, она казалась настолько модной, что здесь, в их глуши, многие сочли бы ее экстравагантной. Ажурный лиф с розовым атласным пояском плотно охватывали стан; юбка, расшитая бисером, свободно струилась по бедрам, заметно повторяя их очертание, а позади волочился шлейф, украшенный розами из того же атласа, что и пояс. Рукав, такой же свободный, выше локтя оголял алебастровую кожу рук. Для Лары величайшей загадкой было, как сохраняет она эту волшебную белизну – ведь не первый день она в их краях! Должна она была как-то сюда добраться?

Впрочем, Лара не удивилась бы, узнав, что сошла эта красавица не с пыльной почтовой кареты, а прямо с обложки «Paris modes», который выписывала мама-Юля, и который Лара иногда листала.

Войдя же – точнее грациозно вплыв – Даночка усталым, равнодушным взглядом обвела столовую залу и томно, с французским прононсом, пропела:

– *Рара*, не видали ли вы Жако?

Догадавшись, что Жако это ее домашний питомец, Лара даже обрадовалась, ведь у нее с этой неземной Даночкой есть хоть что-то общее! Лара сама держала собачку – Бэтси.

– Не видал, Даночка, – расстроившись, покачал головой Ордынцев. – Должно быть, гуляет... позавтракай со мною, девочка моя: Лариса, дочь Юлии Николаевны, говорит, что круассаны просто изумительны – с клубникой и сливками, как ты любишь.

– Я не голодна, *рара*, – равнодушно ответила Даночка и на стол даже не взглянула.

– Как пожелаешь, солнышко, – Ордынцев нежно поцеловал дочку в щеку и, задорно блестя глазами, вынул из-за спины новый дар: бережно завернутый в платок огромный абрикос. – Скушай, доченька, – попросил он. – Только что сорвал в саду – сок аж по рукам течет!.. Вы не против, Лариса, что я тут похозяйничал?

– Что вы, что вы! – горячо поддержала Лара, глядя все с той же умиленной улыбкой. – На здоровье, Богдана Александровна!

– Не хочу! – та брезгливо посмотрела на фрукт. – *Рара*, уберите, вы мне юбку перепачкаете... у меня совершенно нет аппетита, – призналась она плаксиво. – И спала я дурно... почитай с пяти утра, как рассвело, глаз не могла сомкнуть. Еще и птицы эти кричат.

– Они не кричат, они поют – это соловьи, Богдана Александровна, – заметила Лара немного с негодованием.

– Ох, да все равно! – отмахнулась та.

Лару так и подмывало сказать этой балованной девице что-нибудь дерзкое – она сдерживалась из последних сил. Более всего было обидно за Александра Наумовича: Лара, выросшая на юге, правда и сама к абрикосам была равнодушна, но, ежели бы ей его папенька поднес – сам, да с такими сердечными словами... она бы съела этот абрикос тут же! Вместе с черешком и косточкой!

«Вот же зараза какая неблагодарная!» – неласково думала Лара.

Даночка же, сперва отмахнувшись от Лары, после вдруг посмотрела на нее как будто даже с интересом. А Лара и язык прикусила, испугавшись: не вслух ли она сказала про заразу?

– У меня роза на подоле едва держится, пришить бы надо, – молвила та куда менее томно.

Они вместе с папенькой Ордынцевым долго глядели на Лару: Даночка выжидающе, а ее отец как будто извиняясь:

– Вы не могли бы, Лариса... позвать кого-нибудь – платье починить? – неловко попросил, наконец, он.

– О, конечно, сейчас же пошлю Стасю.

– Зачем же, думаю, вы и сами справитесь, – холодно перебила ее Даночка и, подхватила на руку свой шлейф с несчастной розой. – Пойдемте-ка прямо сейчас. Лариса, да?

И не успела Лара одуматься, как уже шла по коридору: Даночка молча и уверенно плыла впереди и лишь дорогу спрашивала. Вообще-то Лара была не горничной здесь, чтобы платья зашивать – такого бы и мама-Юля не одобрила. Однако отказать столь самоуверенной особе Лара не сумела.

Глава 3. Новая подруга

Комнаты персонала находились в цоколе главного здания, но Ларе мама-Юля отвела лучшую из всех имеющихся в доме спален – на верхнем мансардном этаже, под самой крышей. Здесь не постелили шелковых покрывал и не развесили французских гобеленов на стены, зато комната была просторной, тихой и необыкновенно уютной. Маленькое окно (чтобы не слишком много солнца проникало в и без того раскаленный дом) снаружи сплошь увито виноградными порослями: в сентябре виноград можно рвать прямо сидя на подоконнике! Обыкновенно окно было затянуто сеткой от москитов, но иногда Лара поднимала ее и с высоты птичьего полета – третий этаж, как-никак – глядела на плавающий в знойном мареве персиковый сад. За садом же растелилось кладбище, которое ничуть не смущало Лару, так как она давно к нему привыкла, и Ордынцевская усадьба с высокой круглой башней. Всякий раз взгляд Лары невольно задерживался на той усадьбе и отдавался глухой тоской, оттого что ей, кажется, так и не суждено хоть раз побывать внутри.

Левее же, если по пояс высунуться из окна, можно было увидеть кусочек шумного Черного моря. Его залив точнее, до пляжа которого от пансионата десять минут ходьбы скорым шагом.

Каждое утро Лара начинала с того, что выглядывала из своего окна на море и гадала, какое нынче настроение у Морского царя. Бушует ли? Или покоен и зовет присоединиться? Сегодняшнее море было заманчиво тихим с редкими всколыхами волн – будто само прислушивалось и не торопилось дать совет. Или ждало чего-то.

– Мило... – оглядевшись в комнате, заметила Даночка.

Ларе показалось, что с усмешкою. Брошенный шлейф платья оборачивался вокруг Даночкиных ног, давно забытый. Потом m-lle Ордынцева без приглашения плюхнулась на мягкую Ларину кровать, любовно заправленную, полезла в свой ридикюльчик и вынула маленький серебряный портсигар.

– Хотите? – спросила, увидев, как глядит на нее Лара.

Та испуганно затрясла головой: мама-Юля прибьет, ежели запах учует!

Но взяла себя в руки, не желая показаться бестолковым ребенком. С деланной неприужденностью отыскала блюдце и подала Даночке, чтобы та хоть пепел не сорила.

Вспомнила, что Даночке родилась и большую часть жизни провела в Европе, во Франции, где так процветает сейчас это движение – *éтансірэ*, и где женщина с папиросой вовсе не вызывает такого переполоха, как в их глуши.

Для Лары было совершенно в новинку прикоснуться к этому миру. И все-таки он больше манил ее, чем пугал. Как и сама Даночка.

– Он невыносим... – сказала совсем уже не томным голосом новая Даночка, выдыхая струйку терпкого папиросного дыма. – Отец. Даночка то, Даночка сё... не выношу, когда меня называют Даночкой. Это так пошло, вы не находите?

Лара неловко пожала плечами, гадая, куда подевался весь ее пыл.

– Он просто очень вас любит.

– Да, вы правы... – невесело протянула Дана. – Он хороший. Право, я не заслуживаю такого отношения.

– Как странно вы говорите, Богдана Александровна: будто бы родители любят детей за что-то, а не просто так. Да и разве можно заслужить родительскую любовь?!

Та как-то очень внимательно разглядывала Лару, а потом улыбнулась:

– А вы славная. Зовите меня Даной. – Она раздавила недокуренную папиросу в Ларином блюдце: – Ну? Где тут у вас нитки?

– Что? Ага, сию минуту...

Лара спохватилась и принялась искать швейные принадлежности. Однако не успела и открыть коробку, как Дана твердой рукою отобрала у нее набор. Закинула ногу на ногу и, разложив шлейф на колене, сама приступила к работе.

Шила она весьма ловко – у Лары бы так не получилось. Нитку перекусывала зубами, как делала всегда старая нянька-Акулина, точным движением заправляла ее в игольное ушко и выводила ровные красивые стежки. Ни слова она при этом не произносила – только поглядывала иногда на Лару янтарными, как у дикой кошки, глазами.

– Совершенно глупая роза, – заметила Дана, разглядывая законченную работу. – Надо было вовсе ее спороть. Ну, а как вы здесь развлекаетесь? Есть в округе хоть что-то интересное: мне все-таки здесь жить придется.

Лара задумалась. Ей-то никогда не бывало скучно в «Ласточке» – мама-Юля не из тех родительниц, которые позволяли скучать да бездельничать. Но ведь Даночка барышня настоящая, ей и впрямь развлечения нужны.

– В город можно съездить, – нашла она. – Вы только скажите, мама-Юля мигом велит заложить экипаж.

– Это Тихоморск-то город? – Дана презрительно хмыкнула. – Да мы только что оттуда – провинциальная дыра. Лермонтов писал, что Тамань из всех приморских городов самый скверный, но это он, должно быть, не бывал в Тихоморске.

«Ах, ты ж... и город наш ей не по нраву!» – обиделась за Тихоморск Лара.

И, уже злясь, начала перечислять все подряд:

– На первом этаже библиотека имеется – Алексей Иванович, прежний хозяин, собирал. И танцевальная зала, и музыкальный салон. Видя, проснувшийся на последней фразе интерес Даночки, она остановилась на музыкальном салоне подробнее: – Там у нас рояль стоит немецкий, лакированный, гитара и два баяна. А еще помост для спектаклей...

– Здесь что же – и театр есть? – наконец-то изумилась Дана.

– Нет... театр здесь имеется только в соседней губернии. Но в Тихоморск каждый сезон оттуда приезжает театральная труппа и дает представления.

Дана, впрочем, оставила это замечание без внимания. Спросила:

– Ну, а вы, Лариса, чем любите заниматься? Книжки, наверное, читаете?

Лара смутилась:

– Да. Я больше всего приключенческие романы люблю, про пиратов. Сейчас как раз «Остров сокровищ» Стивенсона привезли. Но вы-то читали уж, наверное.

– Читала. Но, право, чтению я предпочитаю театральные постановки.

– Вот как? А еще я немного рисую. У вас необыкновенно красивое лицо – могу написать ваш портрет, ежели хотите.

Лара не лукавила ничуть: к благородным чертам Ордынцевых у Даны примешивалось что-то, что позволяло безошибочно угадать в ней иноземку – лицо ее и впрямь было необыкновенным. Должно быть, дело в этих янтарных глазах, самую малость раскосых, внешние уголки которых стремились коснуться безукоризненно четких черных бровей. Что у Николая Ордынцева, каменного Ворона, что у Даночкиного отца глаза были жгуче-карими, почти черными – Дана же глаза, вероятно, достались от матери-француженки.

Новая подруга же в ответ на Ларино предложение повела плечом:

– Это было бы мило. Я тоже люблю живопись.

Обрадованная, что несносной Даночке интересно хоть что-то из того, что она могла предложить, Лара подскочила и бросилась искать свои альбомы с эскизами, коих в комнате имелось великое множество.

Более всего Лара любила писать морские пейзажи – по обыкновению акварельными красками. Масляными, на холстине, она тоже работала, но реже: масло требовало много времени и много усидчивости, а усидчивость – это не про Лару. Она любила выхватить суть и запечат-

леть ее быстро, в четверть часа. Сутками же выжидать, когда просохнет очередной слой... она искренне не понимала, как у великих мастеров, вроде Айвазовского, хватает на это терпения.

Писала Лара и портреты, хотя чаще они являли собою лишь наброски лиц карандашом или углем. Вообще-то Лара не очень любила показывать выполненные портреты посторонним людям, но, помедлив, начала складывать перед Даною пухлые альбомы. Новая знакомая определенно была Ларе симпатична – казалась непонятной и немного странной. Необыкновенной, одним словом. И, главное, совсем не похоже, что ей нужен Ларин медальон...

Хотя Ларину душу и подтачивали сомнения, ведь Дана, кажется, имеет на тот медальон куда больше прав, ибо она прямая родственница каменному Ворону.

Альбомы же Дана листала с искренним безразличием, только время от времени полунасмешливо комментировала: «Неплохо». Или еще хуже: «Мило». Лара уж отчаялась дожидаться от нее иных эмоций – как вдруг отметила, что та напряженно, почти в упор разглядывает один из портретов.

Какой именно – Ларе было не видно. Она хотела сама заглянуть да спросить, что так удивило новую знакомую, но Дана вдруг прервала свое занятие, будто что-то ее кольнуло. Смешала все листы и с непонятной суетливостью начала собирать их в стопку. Вид при этом у Даны был даже испуганный.

– У вас получается весьма недурно, Лариса, – только и сказала она.

И очень быстро вернула на лицо привычную маску равнодушия.

Через полминуты Лара даже сомневалась, не почудилось ли ей все? Может, Дана просто вспомнила что-то важное? Или у нее голова разболелась от жары?

Правда чуть позже, как бы невзначай, Дана еще раз вернулась к рисункам, но теперь она не брала их в руки, а только спросила:

– Лариса, там, в папке – это все портреты ваших друзей?

До тех пор, покуда не задала она этот вопрос, Лара так и не притронулась к пресловутой папке, боясь показаться излишне любопытной. Но сейчас пролистнула ее, иначе не смогла бы ответить: за свою жизнь она написала уж сотню портретов.

Этот альбом был со старыми ее работами, которые она делала года четыре назад. И, наугад перевернув страницу, Лара тотчас увидела красивое с упрямым подбородком и насмешливым взглядом лицо Кона. Портрет этот рисовался по памяти, потому что друг ее детства давно уж отбыл от них к тому времени. Интересно, каков Конни сейчас?

– Да, друзей... – украдкой вздохнув, сказала Лара. И попыталась улыбнуться. – Это мой лучший друг, сын Алексея Ивановича, прежнего хозяина. Конни.

Дана тоже выдавила натянутую улыбку и отвернулась от альбома.

– Забудьте, – сказала она и поднялась на ноги. Кажется, Дана преодолевала порыв сбежать сейчас же, потому вежливо сказала: – Пожалуй, я достаточно отняла вашего времени. Спасибо, что приютили, но мне пора вернуться к отцу – Жак, верно, меня заждался.

– Жак – это ваша собачка? – порывисто спросила Лара – ей отчего-то расхотелось, чтобы Дана уходила.

А та вспыхнула, будто ее оскорбили:

– Жак – это мой жених! Господин Джейкоб Харди.

Потом еще раз бросила взгляд на альбом и вышла за дверь.

А Лара, прижав тот альбом к сердцу, отругала себя за недогадливость. Господин Харди – жених Даны?.. Следовало бы понять это раньше: ведь те, кто заселился ночью, сняли три номера. Для отца, дочери и ее жениха, как теперь стало очевидно.

Но Лара все еще была растеряна и озадачена, потому как ей показалось – всего лишь на мгновение и, как теперь уж очевидно, что ошибочно... и все же Лара была уверена еще минуту назад, что господин Харди проявил к ней интерес.

Теперь же, узнав все обстоятельства, она чувствовала досаду – и не могла найти причину ее...

* * *

Перед мамой-Юлей отчитаться удалось на удивление быстро. Никаких уточняющих вопросов: матушка лишь хмурилась и с каждым Лариным словом становилась все мрачнее. Отчего? Лара расспрашивать не решилась.

Чувствуя, что задыхается в своей уютной девичьей комнатке, Лара захотела сбежать отсюда тотчас – куда угодно! Хотя и станет ее мама-Юля ругать, но то после. Она спешно переделалась в любимое ситцевое платье и опрометью, даже не предупредив никого, помчалась через персиковый сад к калитке, что вела на узкую извилистую тропку – к морю.

Море, шелестя бархатной пеной о прибрежный ракушечник, ласкало горячие после бега ступни Лары. Она постояла немного, привыкая к его прохладе, а потом стянула через голову ситцевое свое платье – бросила не глядя за спину и осталась в нижней рубаше, едва прикрывающей колени. Сделала несколько шагов, оттолкнулась и с головою бросилась в холодные воды, чувствуя, как заходится от восторга сердце. В такие минуты ничего не существовало для Лары кроме нее самой и всемогущей стихии, которая с легкостью могла поглотить Лару, не оставив и следа, но отчего не делала этого. Позволяла быть с собою на равных. Играла, может?

Неприменно она вспоминала тогда Русалочку датского сказочника Андерсена, и нет-нет, да и мелькало в ее мыслях, что, ежели был бы у нее рыбий хвост, Лара уплыла бы далеко-далеко отсюда. Впрочем, она не успевала и закончить мысль, как одергивала себя. Ей ведь и здесь неплохо живется, к чему же куда-то плыть или ехать?

И все-таки с каждым новым днем заходя в воду, она старалась заплывать чуть дальше, чем вчера. Как будто желая поглядеть, что же там, за той длинной насыпью, где кончаются владения мамы-Юли? Заплыть за насыпь было невозможно: на карте Лара видела, что тянется она на несколько верст, а за ней уж открытое море. И все-таки, все-таки...

На берег Лара не оглядывалась и никогда не боялась, что ее кто-то увидит: это все еще была территория пансионата, и чужих здесь не могло быть просто по определению. Сторож бы не пустил. Постояльцы отдыхали на главном пляже, где ракушечник, дабы не колоть их нежные ступни, был засыпан морским песком; где специально построили беседку, дабы защитить их кожу от солнца, и где расставили шезлонги, дабы не утомились они стоять на жаре. И море там было значительно мельче – приезжие редко умели толком плавать и отчаянно боялись утонуть. Если вообще заходили в воду. В Ларину бухточку, облюбованную ею еще в детстве, они не пошли бы даже если б она их калачом манила.

Лара не сразу поняла, что сегодня она забралась дальше, чем обычно – намного дальше. А вода в июне ледяная, толком не прогретая. Едва Лара прекратила грести, чтобы отдышаться, тотчас кожа ее покрылась мурашками. И тихо вокруг. Так тихо, что даже страшно: ни единого звука, кроме сбитого Лариного дыхания да редких всплесков волн.

– Не надо заплывать так далеко... – шепотом сказала она, чтобы хоть немного нарушить эту мертвую тишину. – Мама-Юля узнает – несдобровать тогда. Хотя откуда она узнает?

Но мысль эта внезапно напугала Лару – по-настоящему – взялось откуда-то чувство, что кто-то, быть может, и впрямь мама-Юля, смотрит сейчас на нее.

Она резко обернулась к берегу – никого.

Однако не случайно Лара почувствовала на себе посторонний взгляд: на утесе, что тучей нависает на Лариной бухтой, стоял кто-то и, козырьком приложив руку ко лбу, наблюдал за Ларой. Недолго, впрочем. Отшатнулся и попятился, едва его обнаружили.

Ларе же стало и впрямь не по себе. Настолько, что резвиться в воде уж не было никакого настроения. Позвать на помощь? Так не услышит никто – она за это и любила свою бухту, что нет никогошеньки рядом. Подождать? Да ноги уж сводит от холода – так и потонуть недолго. Все еще с опаской поглядывая на утес (не подглядывает ли?), она поплыла к берегу.

И все-таки, едва вышла из воды, скорее оправила прилипшую к телу рубашку, стыдливо скрестила на груди руки и почти бегом добралась до лодочного сарая, примостившегося на самом берегу. Сарай еще при Алексее Ивановиче был ремонтной мастерской для прохуdivшихся лодок, позже мама-Юля все, что невозможно починить, пустила на дрова или же свезла на свалку, и сейчас здесь стояла, привязанная к брусу, одна-единственная лодка – Ларина. Выкрашенная в лазурно-голубой цвет и хорошо промасленная.

«Ласточка», – было любовно выведено белой краской на борту ее рукою.

Внутри сарая Лариными стараниями теперь было светло и просторно. Посреди, там где побольше света стояла кособокая софа с подушкой и пуховой шалью вместо покрывала, низенький столик с запасом свечей и стопкой книг да журналов, которые Лара все забывала вернуть в дом. А еще здесь хранилась главная Ларина ценность – мольберт, подаренный синьором Марроне, ее учителем. Именно за мольбертом, выставив его на берегу, Лара проводила почти все свое свободно время – как наплавается вдоволь.

Но сейчас мольберт ее не интересовал: не глядя по сторонам, Лара уединилась в затемненном углу и принялась спешно натягивать на мокрую рубаху ситцевое платье. Через пять минут и его можно будет выжимать, но Лара все равно торопилась.

«Трусиха несчастная! – крыла она себя, справляясь с рядом мелких пуговиц на лифе. – Ну и чего ты испугалась? Ни единой живой души здесь нет и быть не может! Даже ребята с Болота сюда не лазит, потому как у них своя такая же бухта есть – ничуть не хуже...»

Она не закончила мысль, потому что дверной проем лодочного сарая внезапно загорела плечистая мужская фигура. Лара вздрогнула и подняла глаза. И страх ушел сей же миг.

Она не видела его много лет и все же, за миг того, как разглядеть в полутьме лицо, узнала: – Конни... – на выдохе догадалась Лара.

В мыслях ее успело мелькнуть, что у настоящей барышни тотчас должны подкоситься колени, и она непременно обязана лишиться чувств. Но Лара полагала себя не барышней, а деревенской девчонкой, простой и искренней. Против воли губы ее растянулись в улыбке, и она радостно взвизгнула:

– Конни!

И, не помня себя, бросилась к нему, с разбегу повиснув на шее:

– Поверить, не могу, что это ты! Как? Откуда?

Он встретил ее смехом:

– Ларка... ты все такая же!

Смех у него, пожалуй, изменился, и голос был теперь не такой мальчишески-звонкий. И каким же он стал сильным и высоким: у Лары даже в голове загудело, когда он, подхватив ее за талию, закружил над полом.

А когда поставил наземь, она, наконец, сумела рассмотреть его лучше.

Главное, что изменилось в нем, так это глаза: не было уж той нахальной самоуверенной усмешки. Он стал серьезнее, меж бровей залегла морщинка, а взгляд был полон мучительных раздумий, будто он решал и не мог решить арифметическое упражнение. И стричься он начал по-новому. А уж как лихо зачесывал волосы!.. Именно такие мужчины сопровождали красивых дам на страницах «Paris modes». И одет так, что Лара, спохватившись, скорее отступила назад, чтобы не запачкать его легкую тройку своим вымокшим платьем.

И тогда-то ясно поняла, что он приехал не один. Такой великолепный господин, каким стал Кон, просто обязан сопровождать столь же блистательную даму. Похожую на Даночку. И ведь Дана именно его узнала на рисунке, именно его!

Правда, был еще господин Харди, Данин жених, который совершенно не вписывался в собранную Ларой картину...

Одно она ясно понимала: Кон неспроста явился именно сегодня. В один день с Ордынцевыми. Да еще и после того, как Ворон предупредил о беде.

– Какой же ты стал, Конни... – то ли восхищаясь, то ли сожалея, произнесла Лара вслух. Но он ее упавшего настроения не заметил, искренне радуясь встрече:

– А вот ты ничуть не изменилась. Ну, ни капли! – Как в детстве он тронул указательным пальцем чуть вздернутый Ларин нос. – Даже привычек своих не забыла: так и знал, что в этот час застану тебя у лодочного сарая!

Надо сказать, Лару это замечание несколько задело: в последний раз они виделись, когда она была подростком – тощим, с острыми локтями и разбитыми коленками. Да еще и обритой наголо, потому как тем летом подхватила где-то вшей, и маменька, разозлившись, просто остригла ей косы. Без лишней скромности Лара считала, что за прошедшие годы она значительно похорошела.

– Я вот тоже теперь вижу, что и ты не очень-то изменился. Вымахал только, как каланча, – ответила она, дерзко прищурившись. И расправила плечи, остро жалея, что не затянута под платьем в корсет, который хоть и мешает дышать да жить, зато показывает, что у нее, как и у прочих девушек, есть грудь. Не такая, конечно, как у Галки, но есть.

Кон же в ответ усмехнулся, но взгляд его оставался по-прежнему сосредоточенным. Как ни надеялась Лара, тот мальчишка из ее детства не показался даже на минуту. Она лгала ему – изменился он очень сильно.

А потом Кон заговорил, и сразу стало понятно, что явился он сюда не только потому, что соскучился.

– Лара, послушай, я чемоданы на вокзале оставил и с Юлией еще не говорил... потому как хотел прежде увидаться с тобою. – Он взял ее за плечи, не позволяя теперь даже взгляда отвести. – У меня к тебе просьба, Лара. Ты помнишь ту ночь, когда мы влезли в усыпальницу Ордынцевых?

– Такое не забывается, Конни, – Лара поежилась и все-таки отвела взгляд. – Я до конца дней буду ее помнить.

– А медальон? – Конни сжал ее плечи сильнее. – Он все еще у тебя?

Наверное, Лара с самого начала знала, что он попросит ее именно об этом. И знала, что в миг, когда она ответит – их дружба кончится.

– Нет, Конни, я его потеряла. Прости.

Глава 4. Старый друг

Шесть лет, целых шесть лет Лара не видела Кона.

И все же это не означило, что он ни разу с последней их встречи не навестил «Ласточку». Кон был здесь три года назад, зимою, вскоре после похорон отца, Алексея Ивановича Несвицкого. Мама-Юля твердит, что приезжал он только лишь оспорить завешание да заявить свои права на пансионат, но Лара догадывалась, что она наговаривает. С маменьки станется наврать. Но Лара-то знала Кона!

Зима в тот год была лютой: вслед за Алексеем Ивановичем тяжело заболела и слегла старая нянька-Акулина, и Лара поехала в Болото ухаживать да скрасить последние дни. Благодаря ее ли заботе, но нянюшке удалось все-таки побороть хворь – а вот с Коном Лара разминулась. Лишь гораздо позже узнала о его визите. Он мог бы, конечно, сам отыскать ее на Болоте... Да и Акулина ему не чужая: прежде чем ей поручили Лару, та второй год уже нянчила Кона, матушка которого умерла вскорости после родов.

Мог бы, да не заехал. Лара не бралась гадать о причинах. Но последние робкие надежды, будто она для него нечто большее, чем босоногая девчонка из южного детства, Лара отринула с тех пор. Не написала более ни одного его портрета и запретила себе вспоминать. Последнее, правда, давалось с трудом, потому Лара приобрела привычку щипать себя за руку всякий раз, как мысли отправляли ее к Кону – это помогло. По крайней мере, на сегодня образ его появлялся в голове раза два в день, не чаще. Да и то мельком, без прежней жгучей боли.

И вот теперь он вернулся. Вернулся снова не к ней.

Услышав ответ касательно медальона, Кон не сразу нашелся что сказать. Некоторое время просто глядел на Лару с недоверием.

– Как потеряла? Ведь ты хранила его как зеницу ока! – голос его зазвенел от напряжения. – Ты не лжешь мне, Лара?!

– Не кричи, – она повела плечами, освобождаясь от его рук. – И не смей обвинять меня во лжи. Много воды утекло с тех пор, как ты уехал, Конни: я научилась расставаться с тем, что люблю. Медальон... это давно произошло. Я была с ним в море, а когда вышла на берег, оказалось, что его нет. Море забрало.

Кон вздохнул тяжело и обессилено. Кажется, поверил. Грузно осел на софу, запустив пятерню в густые каштановые волосы. Право, Лара ждала, что он разозлится за ее глупость, обвинит во всех грехах – и уж готовилась проститься с ним окончательно. Однако Конни, к ее удивлению, сказал:

– Что ж, может, и к лучшему.

Потом поднял на нее глаза и, совсем как встарь, ей улыбнулся.

Удивительно, но разговор меж ними с того мига побежал свободно, будто не было этих шести лет. Лара, и впрямь обрадовавшись, что Кон не злится и не заговаривает о медальоне вновь, порхала вокруг и захлеб рассказывала про общих их знакомых и про то, как не повезло им этим летом с постояльцами. Неизбежно разговор коснулся и тем, явно неприятных Кону. И Лара, отметив это, решила предложить:

– Конни, может, тебе все же помириться с мамой-Юлей?

Он резко, будто его укололи, дернулся:

– Никакая она не мама! Ни тебе, ни мне, никому! Поверить не могу, что ты все еще так ее называешь!

– Не сердись. – Лара присела к нему на краешек софы. – Все же она воспитала меня с младенчества, заботилась... я и впрямь считаю ее матушкой, если хочешь знать! Другой у меня нет.

Кон продолжал смотреть на нее хмуро и внимательно:

– Ну, тебя она, по крайней мере, не обижает. Не обижает ведь?

– Нет, Конни, что ты! – искренне заверила Лара. – Ругает, конечно, временами – но ведь все за дело. Да и привыкла я давно.

– И то хорошо. – И внезапно, к полной Лариной неожиданности, признался. – Знаешь, по правде сказать, я и приехал как раз, чтобы с нею помириться. Да-да.

– Правда? Ты не шутишь? – не поверила Лара.

Кон с самого детства, сколько Лара его помнила, не любил маму-Юлю. А та отвечала ему взаимностью, убеждая всех, что он лживый и испорченный мальчишка. Однако Лара считала его не лживым, а просто с богатым воображением. И не таким уж испорченным. Ну да, пару раз он валил на Лару вину за свои проделки, и ох, как ей досталось однажды за ужасно дорогую вазу, разбитую вовсе не ею... Но Кона можно понять. Мама-Юля никогда не давала ему спуска и, единственная из всего персонала, заставляя хозяйского сына за очередной проказой, позволяла себе схватить его за ухо и отвести на ковер к отцу. Уже тогда, в детстве, Кон ненавидел ее, о чем легко признавался вслух. Что говорить о поздних временах, когда его отец женился на Лариной матушке, заблаговременно отослав Кона учиться в Петербург...

В тех редких письмах, что писал Ларе, Кон раз за разом повторял, что отец его предал, что он этого не простит и домой более не вернется.

А потом еще завещание...

– Вы правда помиритесь? – не могла нынче поверить Лара.

– Если тебя это порадует, то да. – Кон нехорошо усмехнулся. – Твоя мама-Юля сочтет, наверное, что я, наконец, поумнел. Но я просто подумал: что толку дуться, сидя в холодном Петербурге, когда я вполне могу провести лето здесь? Сто лет не плавал в море!

«Всего лишь шесть», – поправила в мыслях Лара. – Всего шесть бесконечных лет».

А Кон продолжал ерничать:

– Хотя бы комнату, надеюсь, Юлия Николаевна выделит любимому сыну?

– Разумеется, Конни, самую лучшую! Твою детскую, правда, она обустроила в буфет... но обещаю, самый лучший номер из оставшихся, будет твоим! Как-никак это и твой дом!

– И мой дом? – горько усмехнулся Кон. – Боюсь, твоя матушка подобных мыслей не придерживается.

– Совершенно напрасно ты так считаешь! – не задумываясь, выпалила Лара. – Мама-Юля управляет пансионатом лишь до той поры, пока тебе ни исполнится тридцать один, или ты ни женишься. А покамест она исправно выплачивает тебе содержание. Но хозяин здесь ты! В завещании Алексея Иванович так и было написано черным по белому!

Но Конни покачал головой:

– Может и так, да только твоя мама-Юля считает себя здесь единственной хозяйкой. Да я и не собираюсь это оспаривать – пускай считает, коли ее это тешит. И содержание мне ее не нужно – ежели совесть она имеет, то хоть тебя на эти деньги лишний раз порадует.

– Ты к ней несправедлив, – стояла на своем Лара, – мама-Юля не станет оспаривать твои права и будет тебе рада, вот увидишь. Немедля приведу тебя к ней!

И, скорее ухватив его за ладонь, потащила к дверям, пока не передумал мириться с маменькой. Только Кон не торопился. Будучи теперь куда сильнее, притянул за руку так, что они снова оказалась лицом к лицу. Близко-близко. Заглянул в Ларины глаза.

– Какая все же красивая ты стала, Лара, – сказал, будто бы про себя, и заправил за ухо ее выбившуюся из косы кудряшку.

Этот новый Кон был совершенно не похож на прежнего. Однако Лара, которой вовсе не впервой было слышать комплименты от парней, отчего-то смешалась и почувствовала, как горячо стало ее щекам.

– Скажешь тоже... – пробормотала она неловко. – И через силу посмотрела Кону в глаза. – Я рада, что ты дома.

– И я рад, – улыбнулся он, и складка меж бровей немного, но расслабилась.

* * *

Тайком, той же извилистой тропкой мимо с кладбища, Лара провела Кона в дом и, как обещала, отдала в его распоряжение четвертый номер, лучший из оставшихся. Единственное окно здесь располагалось над парадным крыльцом и выходило на подъездную дорогу с воротами, но, ежели опустить шторы и принести больше свечей, то комната становилась вполне уютной... Галка тотчас прибежала готовить номер, и Лара с чистой совестью распрощалась с Коном.

Его она уверила, что все будет хорошо. Однако за дверьми, в тиши коридора, поняла, что совершенно не знает, что сказать матери...

Лара солгала Кону – она точно знала, что мама-Юля ему не обрадуется. Но не говорить же такого прямо? Это невежливо, в конце концов. Кроме того, что бы там ни думала мама-Юля, Кон и правда хозяин «Ласточки»! Будет... когда ему исполнится тридцать один. И, хотя до того времени еще почти десять лет, что казалось Ларе вечностью, она полагала, что принять его маменька должна по-человечески.

Не давало Ларе покоя и другое. Сам Кон, который проделал такой путь из Петербурга чтобы просто отдохнуть на море. И даже с Юлией (горячо ненавидимой им, между прочим) готов ради этого помириться. Ох, о чем-то он все же умалчивал...

И ведь самым первым делом спросил о медальоне. Не просто случаем упомянул в разговоре! Хоть Конни достаточно спокойно принял весть, что украшения больше нет, Лара не могла отделаться от мысли, что приехал он сюда все-таки за медальоном.

* * *

Вновь и вновь припоминая разговор с Коном, Лара поднялась к себе с четким намерением – спрятать медальон понадежнее. Разумеется, не удержалась, чтобы не развернуть шелковый платок, где он был укрыт, и еще раз полюбоваться, как игра света показывает на гладком золоте сперва устремившуюся ввысь ласточку, а потом строгого ворона...

Обдумывая давешний разговор, Лара нарочито медленно спускалась на первый этаж, к стойке метрдотеля, где, завешанная тяжелой вишневого бархата шторой с золотыми кистями, притаилась дверь маменькиного кабинета. Однако кабинет был заперт, а Стаська, что неслась мимо с грудой постельного белья, пояснила:

– В город Юлия Николаевна поехали, в Тихоморск. Вас искали по всем комнатам, да не нашли – так и уехали. Торопились очень уж.

– А вернется-то когда? Что сказала?

– Не знаю, – отмахнулась от нее Стаська, – ничего не знаю! Бежать мне надо, Лара Николаевна, умотала меня госпожа Щукина, сил нет!

Лара от волнения закусила губу: неужто повезло, и судьба подарила ей нечаянную отсрочку? Однако ж радоваться отсутствию мамы-Юли Лара не спешила, потому как на ближайшие часы (а то и сутки) она одна оставалась в ответе за все мелкие и большие неприятности, что могли произойти в «Ласточке».

И по закону подлости они непременно произойдут...

Первая неприятность как раз спускалась сейчас со второго этажа, подметая лестницу шлейфом великолепного платья: madame Щукина почтила своим присутствием вестибюль пансионата. Под руку ее поддерживал почему-то господин Харди, давешний знакомец.

– Лариса, чудесно, что вы здесь! – обрадовался он ей сию же минуту. – Присоединитесь ли к нам? Я как раз намеревался показать Ираиде Митрофановне прекрасные виды. Вы знакомы?.. – уточнил он, наверное отметив, с какой опаской Лара поглядывает на вышеозначенную Ираиду Митрофановну.

Признаться, Лара, хоть и была наслышана о несносном характере этой дамы, прежде видела ее лишь издали и мельком. Сейчас же с удивлением обнаружила, что Ираида Митро-

фановна куда более молода, чем казалось ей прежде. Ее даже можно было счесть за девицу, ежели она сама не назвала бы себя «madame».

Это была высокая, статная, с точеной фигурой женщина, одетая куда более броско, чем господин Харди. Ярко-рыжие, будто бы даже выкрашенные химическим раствором волосы, были уложены в пышную замысловатую прическу, которую с правого бока накрывала огромная шляпа с перьями, сухими цветами и кусочками тюля. В общем, шляпа могла служить прекраснейшим гнездом, по мнению Лары. Боа из ярких перьев, выщипанных у какого-то несчастного попугая, нежно окутывало ее плечи и тоже волочилось по полу, споря по длине со шлейфом...

Об руку с господином Харди они смотрелись на удивление ладно – ни дать ни взять, молодые супруги. Ларе даже стало обидно за Дану, невесту господина Харди, им, очевидно, сейчас позабытую. Вероятно, ради Даны Лара и выискивала, над чем бы в образе madame еще посмеяться. Разумеется, посмеяться мысленно – вслух она бы ни за что не решилась.

– Ох, Жако, дружок, впредь зовите меня просто лишь Ираидой, иначе я на вас обижусь!

Madame надула губки и крайне игриво хлопнула господина Харди по плечу сложенным веером. А после окинула взглядом Лару, тотчас опустившуюся в услужливом книксене. Заметила веско:

– Лариса – неподходящее имя для девицы вашего сословия. Лично я всех своих горничных всегда звала Дуньками. Весьма удобно.

Она тоненько рассмеялась, и, если бы не господин Харди, Лара, наверное, так и не решилась бы поднять глаза от пола.

– Простите, madame, – холодно заметил он, – мне совершенно точно известно, что Лариса Николаевна не горничная, а дочь хозяйки.

– Да? – изумилась madame как будто в самом деле. Но извиняться не собиралась: – Меня ввело в заблуждение ваше... платье. И цвет лица – ваш загар ужасен, милочка. Вам следует носить шляпки.

И Лара снова присела в книксене, еще и неловко пробормотала слова благодарности за совет, которые madame все равно не услышала – она отвернулась, еще сильнее вцепившись в плечо господина Харди.

Никогда в жизни Лара не решилась бы возразить столь великолепной особе. Да и так ли далека madame Шукина от истины? Она и есть горничная, безродная девка... это madame еще не знает, что она приемыш, а вовсе не законная дочь. И загар ее действительно ужасен – мама-Юля постоянно об этом говорит.

Досадно только было, что слова madame и Ларино жалкое блеяние прозвучали в присутствии господина Харди. Не так давно он пророчил ей стать отличной хозяйкой пансионата – а нынче, должно быть, в ней разочаровался.

Оттого и удивилась она, когда американец решительно вытянул свою руку из цепких коготков madame Шукиной и снова обернулся к Ларе.

– Так я могу рассчитывать, что вы составите нам компанию, Лариса Николаевна?

Нарочно ли он начал обращаться к ней по имени-отчеству? И, главное, откуда узнал отчество – его она совершенно точно не называла в их разговоре. Выходит, расспрашивал о ней...

Лара чувствовала себя одинокой здесь, совсем чужой им, этим красивым, великолепно одетым и образованным господам. Маленькой и ничтожной. И хоть бы эти господа оставили ее в покое – так нет же...

И выдумать причины для отказа она не сумела. Как отказать, видя столь добрую улыбку господина Харди, его милую ямку на подбородке? Лара и сама улыбнулась. Зная, что пожалеет об этом, она все-таки выбралась из-за стойки метрдотеля, чтобы присоединиться к господам. Искоса бросила взгляд на madame – та гордо держала голову и как-то слишком нервно обмахивалась веером. Компания Лары явно была ей не по душе.

– Здесь у нас главный вход, а калиткою вон там пройдете – сад персиковый, – не очень охотно Лара спустилась с крыльца, надеясь, что на этом экскурсия и кончится.

Однако господин Харди, такой чуткий минуту назад, нынче ее настроя видеть не желал.

– Проводите нас, Лариса Николаевна? – он выдвинул локоть, предлагая ей опереться.

А Лара едва ли не кожей почувствовала, как вспыхнула при том madame Щукина. Негоже злить гостей. Лара сделала вид, будто не заметила его руки – послушно повела гостей за собою к калитке.

Сад она любила в любое время года. В апреле над персиковыми деревьями поднимались пышные розовые шапки – всего на несколько дней, однако, стоило целый год ждать, чтобы на те несколько дней калитка в их сад стала бы дверцей в волшебную сказочную страну.

Ежели вдруг начинался ветер, Лара запрокидывала голову и по четверти часа могла смотреть, как танцуют в воздухе розовые лепестки. Они метались суетно и беспокойно, оседали на волосах и платье. А когда ветер стихал, то ковром укрывали черную южную землю – и волшебство уходило. Только Лара все равно помнила – сказка рядом, нужно лишь увидеть.

– Ну и где же ваши персики? – вдребезги разбивая остатки сказки, усмехнулся голос madame Щукиной. – Здесь что нет персиков? Ужасно...

– Персики еще не созрели, – извинилась Лара, – они у нас к августу ближе. Поздний сорт.

– Ужасно! – снова упрекнула madame.

Пришлось уговаривать, что у них не так уж плохо:

– ...Зато абрикосов и черешни сколь душе угодно – и красная, и желтая, и розовая. А аромат здесь какой – неужто не чувствуете? – madame повела носом и скривилась, принялась снова обмахиваться веером. – А коли вглубь сада пройти, там беседки с тенью – с книжками посидеть можно...

Она нашла господина Харди, надеясь, что хотя бы он поддержит ее – но тот, козырьком сложив руки, смотрел вовсе не на них, а в даль. На чернеющую в синем небе башню Ордынцевской усадьбы.

– Выходит, это и есть тот самый замок? – спросил он. – Так ведь у вас усадьбу зовут – Ордынцевским замком?

– Верно, – ответила Лара. – А вы что же так и не побывали там?

Усадьба отныне принадлежала отцу его невесты, и Лара отчего-то думала, что новые хозяева первым же делом посетят родовое гнездо.

Господин Харди пожал плечами, Ларе показалось, что он излишне напряжен. Но ответил бодро:

– Нет покамест. И Дана не ездила, лишь Александр Наумович с утра уже совершил путешествие – говорит, дом вполне пригоден для жилья. – А потом он с хитрецою в глазах взглянул на Лару: – А сами вы бывали там, Лариса? Столько лет усадьба без хозяина стояла – наверняка бывали!

– По правде сказать, нет, – призналась Лара. – Мечтала я там побывать еще с детства, но... – она живо вспомнила, как Кона отослали, порушив все их детские, но такие важные планы. – Но не сложилось.

– Из-за Ворона?

Лара вздрогнула – вопрос застал ее врасплох. Должно быть, Галка разболтала уж все на свете! Только Лара не могла понять, всерьез ли интересуется американец или смеется над нею, мнительной провинциалкой.

– Ворона? Какого ворона? – немедленно вмешалась madame Щукина. – Вы что, милочка, боитесь ворон?

– О, это не простой ворон, дорогая Ириаида. Это каменный Ворон, который ночами обочивается живым и зорко следит, дабы на побережье не вздумал никто сотворить зла. Как у вас говорят, Лариса Николаевна – «горе тому, кого застанет он за лихим делом»?

Но ясные синие глаза господина Харди отнюдь не смеялись – он по-прежнему был настроен и в самом деле жаждал услышать ее ответ.

– Да... именно так говорят, – пробормотала Лара. – Но это лишь легенда... у нас, право, множество легенд...

Невооруженным взглядом было видно, что Лара недоговаривает, но ответить увереннее она не могла. Никогда не могла проявить решительность, когда то было необходимо. Знала только, что нельзя – ни в коем случае нельзя говорить правды. Ей попросту не поверят! Еще и сочтут дурочкой.

Впрочем, madame Шукина посмеивалась вовсе не таясь и, должно быть, и так уже считала Лару дурочкой. А господин Харди упорно пытался вывести на откровенный разговор:

– А как же те несчастные? Ведь на побережье то том, то здесь находят зверски убитых молодчиков. Да-да, Лариса Николаевна, даже в Петербурге газеты о том пишут. Как вы полагаете – не Ворон ли их наказал за «лихие дела»?

– Я не знаю, право... ничего об этом не слышала, – вконец смешалась Лара. – Простите, господин Харди, madame, мне надобно идти – негоже мне так долго отсутствовать на месте – вдруг придет кто?

Американец хотел, было, остановить ее, говорил что-то, но Лара торопилась уйти. Потешался он над нею или нет, но она более не могла этого слышать: слова, будто Ворон и впрямь совершил эти зверства, казались ей кощунственными.

И, надо сказать, очень вовремя Лара поспешила назад – у самой калитки стоял высокий худощавый господин в клетчатой тройке совсем не дорожного вида и почти не запыленной. На сгиб локтя был наброшен дорожный плащ. Неужто новый постоялец? Господин явно пребывал в замешательстве и высматривал что-то или кого-то в глубине сада. Когда же (далеко не сразу) заметил ее, то и вдруг отшатнулся, будто призрака увидел:

– Могу я вам помочь? – спросила Лара, уж не зная, стоит ли подходить.

Ей показалось, что господин, застигнутый врасплох, сейчас сбежит. Но нет.

– Можете... – Он оправил полы и так безупречного сюртука, отчего-то мешкая. Потом все же поклонился ей весьма галантно, сцепил руки за спиной и сказал: – Мне хотелось бы поговорить с хозяином сего заведения.

– Это пансионат, – поправила Лара. – А хозяйствует здесь Ласточкина Юлия Николаевна, моя матушка. Однако нынче она в отъезде, потому за нее – я. Вы номер желаете снять?

Господин снова повел себя странно: бросил взгляд за ее плечо, потом уставился себе под ноги. Будто нарочно избегал смотреть Ларе в глаза. Наконец, мученически потер висок и решился:

– Да, желаю.

Ответил на сей раз твердо. И откинул для Лары створку калитки, через которую они разговаривали, сделал приглашающий жест рукой.

Идти по узкой тропинке вперед него было страсть как неудобно: незнакомец ни слова не сказал более, но смотрел ей в спину – Лара кожей это чувствовала. А потом ее словно холодной водой окатили: ведь она помнила подобный взгляд! Сегодня на море тот человек с утеса смотрел на нее так же тяжело и неприятно!

Уже в дверях Лара оглянулась тайком – господин тотчас пристыжено отвел взгляд. Глаза у него были серые и холодные, лицо бледным, без намека на загар, а губы жесткие, будто никогда не знали улыбки. Неприятный тип.

– Позвольте узнать ваше имя, я должна записать по нашим правилам, – попросила она, с удовольствием спрятавшись за стойку метрдотеля.

– Дмитрий Михайлович.

Фамилии не назвал. Но маменька и не требовала никогда с постояльцев всей подноготной, поучая Лару, что люди, мол, на отдых приехали, так не нужно их мучить расспросами. А Ларе и боязно было обращаться к нему лишний раз.

– Моя фамилия Рахманов, – добавил он, когда Лара этого уже не ждала.

На каждый вопрос новый гость отвечал с заминкой, будто подбирал слова. Лара подумала, что имя он в любом случае назвал бы чужое – их постояльцы часто так делали, а этот... очень уж странный во всем. Даже багажа у него нет, только папка кожаная с бумагами.

– Вы надолго в наши края, Дмитрий Михайлович? По делам?

– Да, – снова с заминкой. Смотреть ей в глаза он по-прежнему избегал. – Я писатель.

– Правда? – оживилась Лара. – У нас частенько бывают писатели! Непременно передам горничным, чтоб вас не беспокоили по пустякам. А про что вы пишете?

– Про разное... про жизнь...

Показалось ли ей, но лицо нового постояльца, кажется, порозовело, будто ему стыдно. Оттого Лара и подумала, что, скорее всего, он врёт. Здесь, вдали от привычного круга общения, их гости любили почему-то выдавать себя за тех, кем они не являются.

Лара тихонько вздохнула, раздумывая теперь, в какой бы из оставшихся трех номеров его заселить: мама-Юля по обыкновению с первого взгляда знала, способен ли гость оплатить дорогие апартаменты или станет кричать и жаловаться, что его обижают. Лара тоже иногда угадывала, но в этот раз. У нового постояльца даже багажа не было – как тут угадаешь?

– Мои вещи привезут к вечеру, – сказал вдруг он, будто прочел ее мысли. – Скажите, могу я сам выбрать номер?

– Разумеется! – обрадовалась Лара.

И не успела она предложить свободные, как странный господин распорядился:

– Прошу вас подготовить тот, где окна выходят на башню, увитую плющом. У вас есть такой?

– Да... только из окон вид не очень хорош – ограда кладбища в каких-то десяти шагах. Зато все прочие номера выходят окнами на прекрасный персиковый сад и ворота, быть может...

– Мне хотелось бы получить именно этот номер.

На этот раз он был решителен.

– Как угодно... – вконец смешалась Лара. – Обождите минуту.

С огромной радостью она скрылась от его глаз в коридоре, чтобы позвать Галку.

Странный господин, невыразимо странный. Не считая служебных помещений, вот таких комнат с видом на кладбище да башню Ордынцевской усадьбы, в пансионате имелось лишь две – номер, что он выбрал, и Ларина мансарда, которая, к слову, находится точно над ним.

Глава 5. Знакомая незнакомка

Уходя, девушка еще раз оглянулась – незаметно, как показалось ей. Рахманов дождался, покуда стихнут ее шаги, и сквозь зубы выругался. Совсем не полегчало. Он привык к чертовщине, что творится вокруг него. Да что там, он и сам порождение черта! Но то, что происходило сейчас, было уж ни в какие ворота. Откуда *она* здесь? Откуда *он* здесь? Отчего то, что Рахманов привык считать небылью, снами, иллюзией, явилось нынче перед ним воплоти. Чтобы доконать его?

Что же, он связан с этим местом, с этой девушкой? Бывал в пансионате прежде? Рахманов, жадно ища глазами, прошелся от стойки метрдотеля к лестнице и обратно; заглянул за высокие двойные двери, за которыми пряталась просторная столовая – пустая нынче. Нет, он определенно здесь не был. Не в привычной всем реальности, по крайней мере. Вероятно, он бывал здесь все-таки в видениях. Но в видениях много всего случалось и, порой, упорядочить все, увязать воедино было задачей не из легких.

Рахманов неслышно скользнул за стойку, где только что стояла она. Девушка была совсем неопытной, наивной и, конечно, не ожидала подвоха, потому даже не пыталась убрать с глаз подальше учетные книги, ключи от сейфа и номеров да прочее. Рахманов, конечно, не собирался доставлять ей неприятности, он лишь прошелся взглядом по журналу со списком постояльцев. Актриса Щукина занимала седьмой номер. Ему самому выделили первый – тот самый, с видом на увитую плющом башню. Более ни одна фамилия из списка не была Рахманову знакомой.

Зато, прислушавшись к чему-то ему одному слышному, он вдруг нащупал картонный прямоугольник, спрятанный за тряпичной обложкой журнала. Пospешил вынуть.

Это была фотокарточка. С ее лицом – нежным овалом, обрамленным светлыми волнистыми прядями, что выпали из зачесанных «короной» волос, по-детски вздернутом носом и едва заметной родинкой над правой бровью. Ребенок... Сколько ей? Двадцать? Восемнадцать? Ребенок... А глаза у нее зеленые, что море в бурю.

Фотокарточка не показывала всех красок, да и в глаза ей он ни разу так и не посмотрел, однако Рахманов видел эту девушку прежде. Даже не так – он *знал* ее. Знал, как знают, как родную сестру или хорошую подругу. Знал, что напугал ее до смерти, застав сегодня за купанием, и знал, что, отдав распоряжение горничной, она поднялась к себе и стоит теперь возле распахнутого окна. Смотрит на ту самую башню. Знал не потому, что вторгся в ее мысли – просто она всегда стояла у окна, когда ей бывало плохо. А он будто бы в такие минуты был подле. Это было даже не видением, это нечто другое, чему он найти объяснения пока не мог...

На фотографии девушка стояла, чинно положив ладошку на плечо женщины постарше. Матери? Должно быть, матери – очень уж похожи. Не сразу он догадался просто поглядеть на оборот фотографии – а там был текст, написанный скорым неаккуратным почерком, норовящим сползти в нижний край. «Мамочке от Лары» – вот и вся надпись.

– Ее зовут Лара... – только сейчас понял Рахманов и подушечкой пальца погладил глянец карточки, будто бы даже ощущая мягкость ее кожи.

А после Рахманов поддался какому-то порыву и убрал фото в нагрудный карман сюртука. Будто вор. Тотчас испытал к себе отвращение, но в намерении был стоек: «Это не из слабости, это для дела, – твердо сказал себе. – Происходят убийства, а концы ведут в сей пансионат. Да и не то что-то с этой «мамочкой». Отчего дочь называет ее «мама-Юля»? Глупость какая. Непременно нужно с той мамой-Юлей увидеться и выпросить, отчего прячет фото, а не держит в узорной рамке на столе, как следовало бы».

Доводы были вескими, но Рахманов все равно чувствовала себя вором, и, подобно всякому вору, торопился покинуть место преступления.

Той же лестницей, что ушла девушка, он поднялся на этаж выше. Хотя и было велено ждать, сам отыскал выделенный ему номер и без стука отворил дверь.

Он знал, что Лару здесь не застанет, но и никак не ожидал увидеть на будущей своей кровати девицу на четвереньках. Ничего неприличного: девица всего лишь пыталась дотянуться до уголка матраса, чтоб заправить простыню, но Рахманов все равно поначалу растерялся из-за открывшихся ему живописных видов. А после почувствовал себя в глупейшем положении. Извиниться и выйти, что ли?

Горничная же была сама невозмутимость: сдула с разгоряченного лица растрепанную челку, изучила его коротким взглядом от макушки до ботинок, молча заправила уголок простыни и потом только слезла с кровати.

– Извините, – молвила с явной насмешкой и сделала книксен. – Я закончила уж. А вы без багажа али как?

– Багаж позже привезут...

Горничная и стоя сбивала его с мыслей, потому Рахманов счел за лучшее отвлечься от созерцания ее и оглядеться в номере. Комната и впрямь была далеко не лучшей, не зря Лара его отговаривала – узкая да темная. На низеньком столике у самой двери совершенно пустой подсвечник, одинокий стул, дверь, ведущая в умывальню, а под окном с жидкими шторками комод. Посредине стены, как венец всего убранства, та самая кровать. У изголовья тоже был столик с подсвечником, и тоже пустым. А электричество в «Ласточку», разумеется, не провели.

Стены были выкрашены светлым, а из всех украшений в комнате имелись только акварели в простеньких рамках.

– Ну, так я пойду? Или чаю изволите? – позади до сих пор стояла горничная, уперев руку в бок, и совсем неподобострастно его разглядывала.

«Занятная девица», – подумал о ней Рахманов и решил вдруг, что девица еще более занятная, чем ему показалось сперва.

Рахманов улыбнулся ей, сам не ведая, как преображает улыбка его лицо:

– А и впрямь, не выпить ли чаю? – спросил почти что задорно. – Пирожные у вас делают, скажи-ка... Галина, верно?

– Верно... – Заметно было, что, поразившись догадливости постояльца, Галина даже подрастеряла свою уверенность. – Пирожные есть... эти, как их... французские...

Она вдруг сбилась, пальцами принялась теревить передник, а глаза, не выдержав взгляда Рахманова, отвела в сторону.

– Круасанны? – подсказал он.

– Ага. Есть с клубникой, есть с абрикосами, а есть просто с кремом с брюлле. Вам каких?..

– А ты что посоветуешь, красавица?

– Не знаю, не велят нам советовать. – На него она зыркнула теперь совсем робко. Как загнипнотизированная, добавила тихо: – С кремом самые вкусные.

– Вот и принеси парочку к чаю.

Не подняв головы, Галина коротко кивнула и вышла.

Улыбка, как только закрылась дверь, сползла с лица Рахманова. Это не он сейчас был, не он так ловко усмирил и покорила девчонку – он сам бы не сумел ни за что. Да и противно ему было подобное. Что, если эта его личина вылезет вдруг при ней, при Ларе? Нет уж... лучше сразу в петлю.

Рахманов только теперь вспомнил про вид из окна, который столь невежливо вытребовал, подошел и одернул штору. Усадьба и впрямь походила на замок: выстроена была из камня, и эта башня... С дороги ее не видать, лишь черное пятно на фоне неба. Отсюда вид куда лучше.

А под окнами, сразу за редкими персиковыми деревьями и решетчатой оградой, расстелилось кладбище. От неожиданности Рахманов отпрянул. Плотнее задернул шторы – пусть в

комнате оттого стало еще темнее, но вид из окна не вызывал никакого желания на него любоваться.

К тому же, постучав и дождавшись ответа, в номер вернулась Галина. Руки ее были заняты подносом, потому дверь она захлопнула ударом пышного своего бедра. Стрельнула в Рахманова взглядом, теперь уж не таким робким. Успела все позабыть, или решила взять реванш?

Пока расставляла на столике чайную пару, вазочку с вареньем, пока подливала кипятку да сливок, снова нет-нет, да ловил на себе Рахманов этот ее взгляд. Прислонившись к комоду, наблюдал за девицей со вновь вернувшейся улыбкой. Верхние пуговицы ее голубого форменного платья были расстегнуты – случайно или нет.

– Много ли нынче здесь постояльцев, милая? – не дожидаясь, пока она закончит, спросил Рахманов.

Галина повела полным плечом:

– Меньше все-таки, чем в прошлые годы. Уж думали вовсе останемся без постояльцев, а тут дама богатая приехала, сразу два номера наняла – на себя и на горничную. А нонешней ночью еще и господин Ордынцев с дочкою и будущим зятем разом три номера взяли.

– Ордынцев? – Рахманов, припомнив название усадьбы, кивком головы указал на окно, где за шторой пряталась усадьба.

– Ага, – вкрадчиво кивнула Галина и облизнула палец с упавшей на него капелькой варенья. Глаза ее блестели – она очень любила делиться сплетнями. Особенно делиться с теми, кто сии сплетни оценит: – Он самый. Какой-то родственник прежнего хозяина-старика. Скитался, говорят, двадцать лет по европам без гроша в кармане, а тут счастье привалило – и усадьба, и зятек-богач. Вы чай-то чего не пьете? Остынет.

– А ты сама выпей, красавица.

– Не положено нам... – помялась Галина. – Юлия Николаевна узнает – ругаться станет.

– Так нет ведь Юлии Николаевны – не узнает никто. Кушай, милая, кушай.

Мягко, но настойчиво Рахманов надавил на ее плечо, принуждая сесть. Девушка хоть и противилась, но лишь для вида. Хмыкнула, в конце концов, и по привычке своей перелила чай в блюдце, охотно пригубила.

– А к вам-то, барин, как изволите обращаться? – то ли сказала, то ли промурлыкала Галина и снова стрельнула глазами.

– Я не барин, – поправил Рахманов. – Дмитрием Михайловичем зови.

– А маменька вас как в детстве звала? Митенькой, небось? – она снова, уже нарочно, обмакнула палец в варенье и кончиком языка сняла каплю. – Был у меня раньше дружок – Митькой звали. Ладный такой парень. Я в него влюблённая была.

– А потом твой Митька куда делся? Сбежал?

– Сбежал, – пожав плечами, Галина с аппетитом принялась за круассан.

– И не вернулся?

– Ясно дело, не вернулся – у нас из Болота кто уезжает, никогда больше не возвращается. Гиблое место. Я б тоже сбежала, ежели было б куда.

– А Ордынцев этот что ж вернулся? Наследства, никак, получил?

– Куда там! – фыркнула Галина. – Говорю же – дочка замуж выходит, вот зять-то в подарок и выкупил им эту усадьбу.

– А зять?..

– Господин Харди, – старательно выговорила чужеземную фамилию Галина. – Мерианец. О-о-очень состоятельный, я слышала.

– Да ты что... и он женится на дочери Ордынцева?

– Женится. Только она его не любит.

Рахманов лицом изобразил удивление, а Галина, до шепота понизив голос, призналась:

– Утром нонешним своими глазами видала, как с пляжу она возвращалась. Да не одна, а с молодым пригожим господином – не женихом своим. Об ручку так держится нежно-нежно. Меня приметил и сразу ручку-то свою вытянул и вперед побежала, вроде как и не было ничего. Но меня-то не обманешь!

– А жених что же, лопух совсем?

– Лопух не лопух... Да он сам, скажу я вам, по сторонам заглядывается.

– Это на кого же заглядывается? На тебя, небось.

– И на меня, – не смущаясь, подтвердила Галина. – А все больше на хозяйкину дочку, Лару Николаевну.

Рахманов почувствовал, как сердце сжалось – и ухнуло вниз. Улыбка дрогнула. Заметила ли это Галина? Девка глазастая – наверняка заметила.

– А что же Лара Николаевна? – через силу придерживаясь игривого тона, спросил Рахманов.

– А что – Лара Николаевна? Лара Николаевна барышня приличная, воспитанная, по-французски знает. – Прищурилась, глядя точно в глаза Рахманову, и добавила: – Маленькая она еще, Дмитрий Михайлович. Все картинки свои рисует да сказки про русалок читает. Мне призналась однажды, что уплыть куда-то там хочет.

– Куда же? – удивился Рахманов.

– Бог ее знает. Говорю же – маленькая она еще. Выдумщица.

Пока разговаривала, Галина успела, однако, съесть оба пирожных, выпила залпом остатки чая и теперь снова обтирала руки о передник.

– Ну, я пойду? – спросила, поднявшись. – Или еще чего вам порассказать?

– Иди, – отпустил Рахманов. Одарил ассигнацией. – Держи вот, на ленты тебе или обновы какие.

Было там куда больше положенных чаевых, но Галина отнекиваться не стала. Спрятала бумажку за расстегнутыми пуговками и принялась собирать посуду на поднос.

– Вечером заглянешь, – скорее велел, чем попросил, прежде чем отворить для нее дверь.

– Вот еще! – фыркнула девица, ничуть не смутившись.

– Не о том думаешь, глупая: свечей принесешь. Темно здесь.

Галина повела плечом, не ответив, но оба они знали – непременно придет.

* * *

Когда горничная вышла, Рахманов уже из последних сил повернул ключ, запираясь изнутри, и, как дед шаркая ногами, добрался до кровати. Осторожно, боясь лишний раз мотнуть головой, изводимой острым приступом мигрени, опустился на подушки.

Боль сопровождала его столько, сколько он себя помнил. Временами затихала и становилась почти незаметной, а временами и вовсе не возвращалась по целой неделе. Но здесь же, в пансионате, боль только нарастала и нарастала, давая понять, что однажды станет невыносимой...

И все-таки его губы тронула кривая улыбка, когда он припоминал разговор с дерзкой горничной.

Митенька... в самом деле, как же звала его мать? Рахманов припомнить уже не мог, слишком давно все было, будто в иной жизни. Но отец всегда звал его только Дмитрием. Человек он суровый, жесткий, нежностей не признает. Рахманов-старший родился и вырос в Петербурге, всю свою жизнь служил в городской полиции, хоть в чинах продвинулся и не слишком высоко. Как стал околоточным в середине карьеры – с тем и кончил четыре года назад. Зато в родном околотке отца знает каждая собака. Ничего не случается без ведома Рахманова-старшего даже сейчас, когда он службу уже оставил.

Отец не хотел, чтобы Дмитрий пошел по его стопам.

– Ты, Дмитрий, парень с головой – и языки тебе даются, и экзамены в гимназии на «отлично» выдержал. Неча тебе в полиции делать. Учись дальше – может, и на доктора выучишься. У меня средства-то есть, я деньгами всегда подсоблю.

Докторов Рахманов-старший уважал безмерно – быть отцом доктора и впрямь полагал величайшей честью. Дмитрий внимал ему всегда молча, не переча, но и не соглашаясь. Им с отцом вообще редко требовались слова: Дмитрий, который людей читал по одним лишь глазам, уж точно не нуждался в разговорах, да и отец за прошедшие годы знал сына как облупленного.

Знал, к примеру, что за кажущейся рассеянностью, за тихим нравом и показной покорностью сына прячется характер столь жесткий и негибкий, что нет никакого смысла ни просить, ни умолять, коли Дмитрий что-то вбил себе в голову.

Дмитрий же к моменту того разговора действительно все досконально продумал и давно уж составил план того, что ему следует делать для поступления в Школу полицейской стражи, откуда всем прямая дорога в Сыскную часть.

Он знал, во-первых, что «злое волшебство», что мучило и изводило его, никоим образом не найдет себе применения в медицинском деле; а, во-вторых, хоть и хорохорился отец насчет «средств» – взятки он никогда не брал и состояния не скопил. На то, что было, мечтал прикупить домишко с участком на Ладожском озере среди лесов и гор да жить себе тихонько с той женщиной, тридцатипятилетней вдовой, с которой они уж давно тайком виделись.

Для сына Рахманов-старший отдал бы последнее. Дмитрий это знал, но принять не мог. А для службы в полиции требовались лишь ясная голова и выносливое тело. Со вторым, к слову – выносливостью – едва не случился казус на медицинском освидетельствовании. Роста Дмитрий всегда был высокого, но худой, как жердь, с торчащими ребрами и запавшими щеками, к тому же вовсе не широк в плечах.

Еще и мигрени эти, и кровь из носа, которая иной раз начинала течь сама по себе, без всяких видимых нагрузок.

«Хилый», – написали ему в медицинской книжке и едва не перекрыли дорогу в Школу полицейской стражи. Однако когда «хилык» принялся подтягиваться на турнике – три подхода по пятнадцать раз – мнение переменили, приняли. А позже Дмитрий освоил боксирование, успешно дополнив его приемами, не описанными ни в одной методичке. Один лишь Дмитрий да, может, еще отец знал, откуда они взялись, эти приемы, в арсенале обычного мальчишки, который не только воинской службы не нюхал, но и не выезжал никуда сроду из родного Петербурга.

В сыскной части его заметили и стали выделять меньше чем через год. Ведь там, где коллеги бились, что рыба о лед и могли ломать голову неделями – Рахманов вычислял злодея как будто между делом. Разумеется, нажить друзей это ему не помогло. За излишнюю осведомленность его даже в соучастиях нет-нет, да пытаются обвинить – без толку пока что.

Не только с друзьями, но и с женщинами у него не ладилось. Рано поняв, что может получить практически любую одной лишь силой внушения, Рахманов вскоре пресытился. И до сего дня не подозревал, что та, которая приходит к нему лишь в грезах – ангел со светлыми локонами и глазами цвета мутного моря, та единственная, что могла рассмешить его, удивить или растрогать – что она живая девушка из плоти и крови и живет где-то на берегу Чёрного моря.

И которая, судя по всему, знать его не знает. И мечтает стать русалкой, чтобы куда-то уплыть. Рахманов невольно улыбнулся. И даже боль как будто отступила. Надолго ли? Надо бы, пока получается мыслить связанно, подняться и написать в Тихоморск, Горихвостову – чем Рахманов и занялся.

Однако прежде чем взяться за бумагу, задержался у окна ненадолго. Ордынцевский замок с башней, увитой плющом, манил, звал взглянуть на себя хотя бы разок.

Глава 6. Разговоры за ужином

Лара стояла возле окна очень тихо, вся обратившись в слух. Потолки в «Ласточке» невысокие: если поднапрячься, выходило даже разобрать голоса. Лара поклясться была готова, что слышит сейчас Галку снизу, из номера этого странного постояльца. О чем бы им беседовать, интересно? Ей лишь бы языком трепать, болтушка!

У Лары смешанные чувства были по поводу этого господина. Отчего-то он вызывал у нее жалость и, тем не менее, она боялась его... В волнении Лара пересекла комнату, а после, как подстегнутая, бросилась к своему тайнику: в углу, у плинтуса, немного отходила половая доска – под нею-то Лара и спрятала завернутый в шелковый платок медальон.

Он был здесь, слава богу. Расправившая крылья ласточка и сидящий на жерди ворон. Лара вдруг почувствовала острую необходимость надеть цепочку с медальоном, тогда он точно не пропадет! Ей почти физических усилий стоило этого не сделать. Вдруг Конни увидит? Нет, нельзя. Она спрятала украшение обратно.

«Напрасно я солгала Кону, – подумала с острым сожалением Лара. – Он, кажется, единственный во всем пансионате, кому можно довериться. А я ему солгала».

Желание же рассказать, поделиться, спросить совета хоть у кого-то мучило ее весь день. Она просто не справится в одиночку, силы уже были на исходе.

«Сейчас же пойду к Кону и признаюсь, – решила она твердо. – Кому мне верить еще, ежели не ему?».

Однако по душам поговорить с Коном в тот день так и не удалось.

– Вы?.. – Лара ахнула, едва не столкнувшись с господином Джейкобом Харди у самых дверей своей комнаты.

Здесь, на третьем этаже, не было ничего, кроме чулана и Лариной спальни – без сомнений, он направлялся именно к ней. Зачем, интересно?

– Я узнал, Лариса, что вы ужинаете отдельно, не с нами, постояльцами...

Харди улыбнулся обезоруживающе и смущенно. Лара же изо всех пыталась выглядеть непреступно.

– Да, это так. Юлия Николаевна, моя матушка, полагает, что обслуге не место за одним столом с господами.

– Напрасно, – заметил господин Харди. – Во-первых, я не считаю вас обслугой и никому другому не позволю считать, а во-вторых, никто как вы не украсите общество, которое соберется сегодня вечером.

– Даже ваша невеста?

Лара сказала это и почувствовала, как все внутри сжалось от страха. Неужели она сказала это вслух? Подобную дерзость!

А господин Харди как будто помрачнел. Неужто полагал, Лара не знает, что он обручен? Тем неожиданнее было для Лары внезапное его признание:

– Даже моя невеста, – сказал он твердо, так и не отведя глаз. Лишь потом шумно вздохнул, и даже плечи его чуточку опустились. – Это все сложно, Лариса... у меня и впрямь есть обязательства перед Богданой Александровной, но... – он снова шумно вздохнул, и Лара так и не поняла, что означает его «но». – В конце концов, я прошу вас лишь поужинать с нами. Ничего большего. Кроме того, за ужином я сделаю одно объявление, которое, думаю, вас заинтересует.

Брови Лары взлетели вверх. А Джейкоб заговорщически улыбнулся:

– Непременно заинтересует, если я хоть чуточку разгадал вас. Жду в восемь, в гостиной, и отказа ни за что не приму.

А потом он взял Ларины похолодевшие от испуга пальчики в свою большую теплую руку и поднес к губам. Ларе еще сроду не целовали рук. Никогда. И, хотя не было в этом жесте ничего особенного (по светским меркам), сердце Лары загнанной птицей билось сейчас в груди. Ответить ему ничего она так и не смогла.

* * *

До последней минуты Лара сомневалась, но природное любопытство – о чем же собирается объявить господин Харди? – все-таки победило.

Перед ужином, придирчиво разглядывая вечерний наряд в зеркале, Лара поняла, что не лишним было бы надеть и драгоценности. Тем более у нее имелся невероятный по красоте и богатству (так Ларе казалось) изумрудный гарнитур из колье, серег и перстенька – матушкин подарок на Ларины именины. Матушка тогда готовилась к свадьбе с Алексеем Ивановичем, была счастлива как никогда, любила всех вокруг и от души желала, чтобы Лара выглядела как настоящая барышня. Кто же знал, что не пройдет и двух лет, как матушка овдовеет...

Лара любила те изумруды, а перстенок с крохотной зеленой искоркой и вовсе носила не снимая. Но, вот беда – яркие зеленые камни никак не шли к нежному цвету платья, которое она выбрала. Пришлось от них отказаться.

Лара даже вынула из тайника свою главную драгоценность – медальон с ласточкой. Примерила... до чего же ладно он смотрелся на ее шее – будто для Лары и создан. Будто греет металл изнутри. Но надеть не решилась. Скрепя сердце сняла украшение, снова замотала в платок и убрала подальше.

Что ж, вечернее платье от Чарльза Уорта¹ оттенка слоновой кости маменька считала лучшим в Ларином гардеробе. По правде сказать, от Уорта там был лишь приблизительный фасон, а пошито оно вообще-то руками известной тихоморской портнихи Матрены Силантьевны. Дорогуший кисей из экономии нашили на подкладку из простого ситца, а «английское» кружево Ларе помогала сплести Галка. Но вот что портнихе удалось, так это шелковое шитье на юбке – все болотинские девушки замирали от этой красоты.

Впрочем, Лара не была настолько наивной, чтобы рассчитывать поразить тем шитьем madame Шукину. Сопровождаемая Коном, Ираида Митрофановна спустилась в гостиную на первом этаже, где собирались обычно гости перед тем, как пройти в столовую. В том, что ее Чарльз Уорт самый что ни на есть настоящий и так никто не сомневался, но она не была бы собой, если б не заметила:

– О, какая прелесть ваш наряд. Коллекция «Vogue» за март 1905 года? Сами шили, милочка моя?

– Нет, портниха... – Лара покраснела и не знала, куда себя деть под насмешливым ее взглядом.

– Милочка, напомните, – сказала тогда madame, веером легонько коснувшись Лариного подбородка, – чтоб я подарила вам номера «Vogue» посвежее, прошлогодние. *Дадите* своей портнихе. И запомните, Ларочка, к Чарльзу Уорту непременно нужно *одевать* бриллианты – их отсутствием вы окончательно убиваете замысел маэстро.

Лара не могла осмелиться даже головой мотнуть, чтобы противные перья мертвого павлина из веера madame не касались ее лица.

И что же Кон? Тот единственный, кому она совсем еще недавно хотела доверить свою тайну, которого считала самым близким из присутствующих – своим главным защитником! Он и слова не сказал madame. Молча глядел в сторону и делал вид, будто ничего не происходит.

Кроме них троих в гостиной были только господин Ордынцев, папенька Даны, и Анна Григорьевна, компаньонка madame. Они пришли вместе и прежде с увлечением рассматривали

¹ Известный французский кутюрье тех лет (прим.)

коллекцию морских кораллов, расставленную на полках, но на голоса обернулись. В добрых глазах Анны Григорьевны ясно читалась сочувствие... но вмешаться она, конечно, не посмела.

Не зря Лара так не хотела идти, ох не зря...

Лишь когда madame, уже всласть поиздевавшись, отвлеклась на Галку, внесшую канapé и шампанское – лишь тогда Конни извинился перед своей спутницей и шагнул к Ларе.

– Зачем ты явилась! – зашипел он ей на ухо с явным недовольством. Будто в чем-то обвинял. Схватил за руку выше локтя и больно сжал, уводя в сторону. – Разоделась еще... Он пригласил?!

– А что, если и пригласил? – тоже зашептала Лара. Ей уже хотелось расплакаться. – Или я права не имею?..

– Не имеешь!

– Почему?!

– Потому! – Конни опасливо оглянулся. – Не верь ему! Ни единому слову не верь, ты не знаешь, что это за человек!

– Да почему же?! – уже в голос спросила Лара, но Кон не ответил – резко повернулся к лестнице, по которой как раз спускались Дана и господин Харди.

Они даже об руку не держались – будто чужие. Дана со сдержанной вежливостью улыбалась гостям и чуть-чуть, будто по-дружески, качнула головой Ларе. От господина Харди же, напуганная Коном, Лара старательно отводила глаза, потому и не знала – посмотрел ли он на нее хоть разок?

Удивительно, но стоило Дане Ордынцевой появиться в гостиной, как бриллианты madame Шукиной несколько померкли. Хотя ювелирных украшений, даже тоненькой золотой цепочки, она не носила. На Дане было платье из струящегося шелка оттенка пыльной розы, отделанное по лифу кисеем и кружевом, а темные волосы она собрала в высокую, украшенную живыми цветами прическу. Но самым удивительным в ее наряде было умопомрачительное декольте – на грани дозволенного. Еще чуть-чуть, и оно было б уже неприличным. Кон – и тот едва шею не свернул, оборачиваясь, когда пара прошла мимо них к столу с закусками.

Ларе тем временем немало удовольствия доставило видеть, как зеленеет в присутствии Даны madame Шукина, оскорбленная столь откровенным нарядом и не имеющая возможности выплеснуть свой яд.

Впрочем, на том удовольствия Лары и кончились: на лестнице тихо, как тень, появился последний из гостей – господин Рахманов. Отчего этот человек пугал Лару даже более чем madame Шукина со всеми ее издевательствами вместе взятыми?

Выглядел он неважно. Вместо смокинга все та же клетчатая тройка, хоть и была она словно с иголочки. И волосы он тщательно причесал, и выбрился. Но вот лицо, болезненно бледное еще утром, теперь вовсе отдавало землистой серостью. Он крепко держался за перила лестницы и переставлял ноги тяжело, будто старик.

А на последней ступени и вовсе споткнулся, рискуя упасть.

– Простите... – пробормотал, сам себя стесняясь.

Медленно обвел взглядом присутствующих и задержался отчего-то на Конне, который все еще сжимал Ларино плечо. Этот ли взгляд подействовал? Но Кон тотчас Лару отпустил и даже отошел на полшага.

Притихли и прочие гости.

Лишь madame Шукина, ничем невозмутимая, поела канapé и негромко причавкивала...

Слава богу, как раз настало время перебраться в столовую: следовало бы Ларе, как хозяйке, войти первой, но она эту честь уступила Ордынцеву и Анне Григорьевне, не пожелавшим расстаться и теперь.

Когда Федька-лакей, распахнула двери, Ларе показалось, что господин Харди качнулся в ее сторону. Кто знает, может, чтобы предложить сопроводить в столовую? Но его намерений не суждено было узнать: Дана на правах невесты положила руку на его предплечье.

А madame Щукина, оставив канapé, спрятав веер, бросилась через гостиную к Кону. Побоялась, видимо, что всех приличных мужчин разберут, и ей достанется кто-то вроде неуклюжего Рахманова.

А так – он достался Ларе...

Лара уж и смирилась со своей участью, но Рахманов все стоял у лестницы, мялся и будто бы боялся подойти. В конце концов, потеряв терпение, Лара хмыкнула и вошла в столовую в гордом одиночестве.

Усестья ей помог господин Харди, а его невесту весьма галантно обихаживал почему-то Кон. Причем, столь по-свойски Дана его поблагодарила при этом, что от Лары не укрылась простая истина:

– Так вы знакомы? – удивилась она.

Удивилась, потому что Ларе казалось, Кон не покидал своего номера с того часа, как она его туда привела.

– О, еще в Петербурге имели честь, – ответил на ее любопытство Ордынцев, папенька Даны. – Это удивительная история, Лариса Николаевна, тотчас вам ее расскажу!

Ордынцев поблагодарил Галку, положившую ему карпа в сметанном соусе, покосился на вырез ее платья с расстегнутой пуговкой – но все-таки вернулся к обещанной истории:

– Представьте себе, Константин Алексеевич служит в той самой стряпчей конторе, куда обратился господин Харди для покупки нашей усадьбы!

– Ничего удивительного, Александр Наумович, учитывая, что в Петербурге не так много стряпчих контор столь респектабельных, – ответил на это Кон и сделался почему-то еще мрачнее, чем прежде.

А Лара живо встрепелась:

– Так ты и впрямь выучился на адвоката, Конни?! Как мечтал Алексей Иванович?

– Я служу в той конторе клерком, Лара, не адвокатом... – неохотя пояснил тот.

А Лара прикусила язык. Вспомнила, что одной из причин, по которой Алексей Иванович слег той зимой, было письмо от Конни, где он сообщал, что его отчислили из университета за неуспеваемость...

Неловкость сгладил Ордынцев, пылко заверив всех:

– Константин Алексеевич прекрасный юрист, самый лучший! Ежели бы не его связи, ей-богу, мы до сих пор бы возились с купчей и в Тихоморск поспели бы не раньше зимы.

– Контора наша велика, но слухи разносятся быстро, – добавил Конни. – Когда я узнал, что некто желает выкупить знаменитую Ордынцевскую усадьбу – сей же час захотел увидеть будущего нашего соседа. А господин Харди позже оказал мне честь, пригласив на обед.

Улыбка Кона была теперь не просто мрачной, но и фальшивой до безобразия. Нет, ему совершенно не нравится господин Харди. Но отчего же тогда Конни завел с ним дружбу?

Американец сидел по правую руку от Лары. Скосив глаза, она попыталась найти подсказку на его лице, но и тот был мрачен нынче и до крайности не разговорчив. Ларе даже показалось в какой-то момент, будто ему нездоровится, и он хочет уйти.

И что за объявление он намеревался сделать?

Господин же Ордынцев, то ли не чувствуя неловкости за столом, то ли, напротив, чувствуя остро и желая ее развеять, все рассказывал и рассказывал, как рад он вернуть родовое гнездо.

– Это была воля Николая Григорьевича, моего несчастного кузена, – сказал он под конец речи, – я обещал кузену, что не брошу усадьбу – и, благодаря вам, дорогой Джейкоб, сие обещание исполнил.

Господин Харди и на это лишь натянуто улыбнулся, но не ответил. А Лара не могла сдерживать удивления и любопытства:

– Неужто вы были знакомы с Николаем Григорьевичем, прежним хозяином? Видели его... живым...

– О да! – подтвердил Ордынцев. – Наши отцы родные братья, а сам я всего на год младше Николая – разумеется, мы росли вместе и крепко дружили. А в юные годы Николай столь весомо помог мне, что вовек не расплатиться... Видите ли, мой собственный батюшка был человеком тяжелого нрава, он ни в какую не хотел допустить моей женитьбы на матушке Даночки – лишил поддержки и состояния. А Николай тогда уж унаследовал графский титул и сам распоряжался капиталами. Если бы не он, вовсе не знаю, что с нами приключилось бы...

– *Рара*, не стоит... – мягко прервала его Дана и положила ладонь на руку отца. Извиняясь, улыбнулась гостям. – Едва ли, право, нашим друзьям это интересно.

Холено-белое лицо ее чуточку покраснелось. Лара поняла, что Дана вовсе не хочет, чтобы о подробностях их жизни в Европе знало местное общество. Лара тогда поспешила перевести тему, тем более что Ордынцев и впрямь мог поведать кое-что куда более интересное.

– Александр Наумович, прошу, – взмолилась она, – расскажите побольше о вашем кузене. О нем и об усадьбе.

– Я бы с удовольствием, Лариса Николаевна, да только об усадьбе я как раз почти ничего не знаю, – развел руками тот. – Росли мы в Петербурге, а вовсе не здесь: на Черное море Николай уж позже перебрался. И жить здесь, представьте себе, вовсе не собирался – поехал ненадолго, лишь дела поправить. Да только остался сперва на зиму, потом на вторую... да так больше в Петербург и не вернулся.

Ларин вопрос, что же именно задержало здесь Николая Ордынцева, так и не сорвался с ее губ. Тем более что в обычной для нее бестактной манере в разговор вмешалась Ираида:

– Прислуга местная трепет, будто увлекся ваш кузен черной магией – оттого, видать, и не вернулся. Уединения искал.

«Галка разболтала, – поняла Лара. – Ох, язык бы ей оторвать...»

– Увы, и я слышал об этом... – подтвердил Ордынцев, старательно пряча недовольство бестактностью *madame*. – Однако уверен, все это досужие сплетни. Повторюсь, я знал Николая с детства, он как брат мне – и, смею вас уверить, с роду ни к какой магии он интереса не проявлял. Он был душой любого общества! Прекрасно пел! Писал! Он собирался жениться на чудесной девушке, в конце концов!

Лара слушала его, внимая каждому слову. Все это было словно о другом человеке, не о том Николае Ордынцева, про которого ходили ужасные слухи на побережье.

Ведь ей достоверно было известно, что жил Ордынцев в усадьбе совершенно один. Не принимал никого и даже прислугу разогнал. Какая уж тут душа общества?

И про невесту из Петербурга Лара никогда не слышала. Выходит, он так и не женился на той девушке.

Удивило, что внимала Ордынцеву не одна только Лара: сидевший по правую руку господин Харди давно уже оставил карпа и, чуть прищурившись, не мигая смотрел на рассказчика.

И американец сразу почувствовал Ларин короткий взгляд:

– Отчего он умер? Ведь он был достаточно молод, не так ли?

Харди спросил это и повернулся к Ларе – будто точно знал, что она интересовалась сим вопросом. Взгляд его стал сейчас неожиданно тяжелым, будто бы даже потемнел, а от прежней небесной сини не осталось и следа.

– Я, право, не знаю... – пробормотала Лара, – никто не знает, что произошло на самом деле в той башне... а пересказывать слухи мне совсем не хочется...

– Его убили, если вам любопытно, *my dear friend* Джейкоб.

Произнес это Кон – громко и не конфузясь. Видимо решил прийти Ларе на выручку. Или же просто устал слушать ее блеяние. Скорее, что второе.

Продолжил неторопливо и даже с ленцой:

– По-варварски разворошили грудь и вырезали сердце, а вместо него вложили вороньи потроха. – Потом Кон медленно оглядел каждое лицо за столом и сказал самое главное. – Словом, свершили все то же самое, что происходит и нынче: ведь все знают, что на побережье то тут, то там находят зверски убитых молодчиков.

– Это ужасно... – ахнули у Лары над ухом. То был голос Анны Григорьевны, сидевшей по левую руку от нее. – Прошу вас, не продолжайте...

– Да уж, жуть, – даже madame Щукина оказалась под большим впечатлением. Рука ее почему-то подрагивала, когда тянулась к бокалу с шампанским. – Наверняка некий черный ритуал – недаром граф Ордынцев увлекался подобным. Конни, и впрямь, довольно нагонять на нас тоску!

– Как скажете, madame, – тот поклонился ей с кривой улыбкой.

Странное дело, но нынче он стал похожим на того, прежнего Конни – дерзкого лихого мальчишку, которым была очарована Лара. Только куда более злым мальчишкой. Не стоило ему рассказывать такого за столом. Да еще и в присутствии ближайших родных покойного графа. Лара подняла на Александра Наумовича короткий взгляд: тот действительно негодовал.

– Все это только сплетни, я ничуть не сомневаюсь, – наконец, заметил он. Тихо и сдержанно, но все равно сурово. – Ежели все это было бы правой, господа, убийцу непременно давно уж нашли бы. Николай погиб без малого двадцать лет назад, как-никак!

– Да зачем же искать, Александр Наумыч? – пожал плечами Кон и еще раз усмехнулся. – Спросите на Болоте – вам любой скажет, кто сие творит. И двадцать лет назад тоже знали.

– Кон, прошу... – прошептала Лара, но ее никто не услышал.

Тем более что сей же миг прозвучал голос, незнакомый никому за столом:

– И кто сие творит?

Спросил это господин Рахманов. Но не в обычной своей мямлящей манере, а неожиданно твердо. Спросил – и въедливо смотрел на Кона. Холод в серых глазах, казалось, замораживает все вокруг.

Но Кон лишь легкомысленно пожал плечами:

– Ираида велела мне не нагонять тоску. Вы спросите лучше Ларису Николаевну – это она теперь молчит, глазенки в пол, сама скромность...

– Конни... – уже умоляла его Лара.

– ...а было время, она так донимала всех вокруг расспросами, что и в самом деле тошно становилось от подробностей.

Кон Лару не слышал, он уже откровенно веселился.

Это ли злое веселье подстегнуло Лару, или же тихие всхлипы впечатлительной Анны Григорьевны, – но она почувствовала вдруг, как в глубине ее души поднимается что-то до сих пор незнакомое ей. Непонятное и чужое. Ей даже дышать вдруг стало трудно, а нарастающий гнев жег сильнее огня – смолчать теперь не было никакой возможности.

– Что же здесь смешного, Кон? – очень спокойно спросила вдруг она.

Столь неожиданно спокойно – что сама удивилась.

– Ничего, Лара. Разве ж я смеюсь? – открыто издевался он. – Просто у меня хорошее настроение.

Лара бы, наверное, сейчас не удержалась и высказала ему все что думает. Но ее опередил господин Харди.

– Нет, Константин Алексеевич, вы именно смеетесь. А причин для вашего веселья я тоже не вижу.

Говорил он спокойно и даже легко, однако Конни под его потемневшими глазами мигом сдущся да притих.

Несколько минут за столом было слышно лишь позвякивание приборов: карп в сметане был великолепен, но Лара и вкуса не чувствовала.

А потом снова заговорил господин Харди:

– Господа, я теперь чувствую вину, что вовсе затронул эту тему и испортил всем настроение – мое проклятое любопытство. Простите, я не должен был... Однако же попробую все исправить. Нынче Александр Наумович бывал в Ордынцевской усадьбе и сообщил мне, что дом уже вполне пригоден для жилья. В самой-то усадьбе, понимаю, веселого мало, – ямка на его подбородке звала немедленно улыбнуться шутке, – однако, ежели добавить свечей, позвать музыкантов и, конечно же, пригласить гостей – станет куда более весело. Что вы думаете, господа, насчет званого ужина? Скажем, через две недели, в пятницу?

– Ничего нет лучше званых ужинов – конечно же мы будем! – за всех ответила madame Щукина.

Впрочем, едва ли кто-то собирался отказаться. У Лары так и вовсе душа замерла от радости.

Ведь лишь сегодня утром она обронила в разговоре, как хотела бы посетить усадьбу. Неужто он запомнил? И делает это для нее? Или просто счастливое совпадение?

Лара, как замороженная глядела на Харди, а тот с поклоном веско добавил:

– Благодарить за идею надобно мою очаровательную невесту, – он со значением поцеловал Данину руку.

Однако по замешательству Даны Лара тотчас поняла: та сама удивлена внезапным объявлением. Значит, все-таки...

На своем лице она поймала в этот момент взгляд чудесных глаз господина Харди: он улыбался как будто тайком. И ей одной.

Глава 7. Безлика

Рахманов заранее знал, кого застанет в номере. Телеграфировать Горихвостову, чтобы тот прислал чемодан, он так и не успел, потому любопытной Галине разгуляться было особо негде. Девушка только вывернула карманы его плаща и потом, досадливо хмыкнув, даже принялась ощупывать подкладку...

Но то минутою назад. А нынче, когда Рахманов отворил дверь, она в своем голубом форменном, слишком тесном в груди платье делала вид, будто начищает подсвечник.

– Вижу, свечи принесла. Умница, – похвалил Рахманов.

Горничная, сдув со лба челку, заманчиво ему улыбнулась:

– Еще чего изволите?

Глаза у нее были дерзкие, а голос смелый – и не скажешь, что прислуга. Рахманов вдруг остро пожалел, что не может знать, о чем думает Галина в эту самую минуту. Был ли у ее обыска какой умысел, или же это обычное девчоночье любопытство? Дар его позволял видеть лишь прошлое – свершенные человеком действия и сказанные им слова. О помыслах же всегда оставалось только догадываться.

Лишь Лара совсем иное дело: ее мысли он знал, как свои. Но то Лара.

Вспомнив о ней, Рахманов неосмысленно приблизился окну. Замер у занавески, прислушался. Грустит, рассматривая это свое платье. Лара необычайно хороша в нем (она во всем хороша, хоть в мешковине), но, конечно, не понимает этого. И, с досадой убирая в шкаф, начинает воображать, что, когда вырастет, то станет известной художницей и купит себе десять платьев у настоящего Чарльза Уорта. И тогда-то эта Щукина... а нет, уже не воображает. Вспомнила, что мать ни за что не отпустит ее учиться, и теперь глотает слезы, обнявшись со старым плюшевым зайцем.

А ведь правду о ней Галина сказала – маленькая совсем. Ребенок. Слишком чиста мыслями и телом для чудовища вроде него. Этот мальчишка, Конни, как она его называет, – она ведь в него влюблена до сих пор. Конни этот дурак, конечно, и тысячу ошибок успел наделать. Но его слова, по крайней мере, не расходятся с делом; он искренен с нею – и в этом уже лучше Рахманова.

И, главное, нынче перед ужином он вполне однозначно выразил готовность защитить Лару. Но она этого, конечно, не поняла...

Рахманов же отвлекся на ту, что сейчас ласково зарывалась пальцами в его волосы. Он упустил момент, когда Галина подошла столь близко, и теперь (не гнать же ее?) отстраненно ждал, что она станет делать дальше. А горничная оказалась даже смелее, чем он думал: поняв его молчание по-своему, она потянулась к его губам.

Губы ее пахли спелыми яблоками, а поцелуй вышел горячим; лукавством было бы сказать, что он совсем не был интересен Рахманову. Но Лара этажом выше глотала слезы, не позволяя ни о чем другом думать. Кроме того, Галина была ему нужна для иного.

Мягко коснувшись пальцами ее подбородка, он отвел ее лицо. Прежде чем девушка успела открыть сомкнутые в истоме глаза, спросил:

– Так зачем ты по карманам шарить, умница-красавица? Что искала-то?

«Умница-красавица», отпрыгнув, как ошпаренная, теперь смотрела на него во все глаза и даже чудесные мягкие губы приоткрыла в немом вопросе. Она сопротивлялась ему изо всех сил, хотела выдумать ложь, но силы, конечно, были не равны.

– Юлия Николаевна велит... хозяйка. На всякий случай. Сами слышали, небось, какая чертовщина тут творится.

– И ты решила, что я к той чертовщине причастность имею?

– Вы странный... – ответила на то Галина и, сбившись, начала смотреть в пол. – Я девка прожженная, сроду ничего и никого не боялась. А вас вот боюсь.

– Правильно делаешь, что боишься.

С полминуты он молча изучал Галину, сжавшуюся, притихшую. А после решился. Вынул блокнот для служебных записей, который носил в нагрудном кармане сюртука. На последней странице здесь имелась его рукою сделанная зарисовка с места убийства Стаховского. Вязь из символов, один лишь взгляд на которые заставлял кровь в его голове болезненно пульсировать.

Он вырвал тот лист из блокнота, смял и протянул девице:

– Отдашь хозяйке, скажешь, что в кармане плаща нашла. Ясно?

Горничная помедлила, но листок взяла.

– Ясно?! – переспросил Рахманов.

– Да, – шепнула она.

После, так и не подняв взгляда, захотела скорее выскользнуть вон из комнаты, и Рахманов ее удерживать не стал. И так напугал девку до смерти.

Не мешало б еще поглядеть, какотреагирует Галина, увидев символы, но она бумажку разворачивать не стала. При нем, по крайней мере. Передаст ли ее хозяйке? Наверняка передаст. И наверняка доложит, при каких именно обстоятельствах эту бумажку получила. Рахманов не был уверен в последнем, но допускал и это. И тогда-то останется внимательно следить, что станет делать хозяйка пансионата. Узнает ли эту вязь? Или же не поймет ровным счетом ничего?

Факты все указывали на актрису Ираиду Щукину, однако, наблюдая нынче за сей вульгарной особой, все мысли которой читались на ее лице и даже не думали прятаться, Рахманов серьезно усомнился в достоверности тех фактов. Поговорить с Щукиной Рахманов намеревался завтра же днем... но перед тем ему следует разузнать кое-что.

Схватив со спинки стула плащ (ночи здесь холодные), он запер номер и поспешил вниз, а после через узкую, не всем заметную дверь, вышел на задний двор – туда, где, по его расчетам, должна была быть конюшня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.